

**БЕЛКООПСОЮЗ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКИЙ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ»**

А. Г. КРАВЧЕНКО

ГЕОПОЛИТИКА

**Курс лекций
для студентов специальности
1-25 01 03 «Мировая экономика»**

УДК 327
ББК 66.4(0)03
К 78

Рецензенты: Г. А. Алексейченко, канд. ист. наук, доцент кафедры истории восточных славянских народов и специальных дисциплин Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины;
А. Н. Аксенов, канд. ист. наук, доцент кафедры философии и истории Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации

Рекомендован научно-методическим советом учреждения образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации». Протокол № 2 от 13 декабря 2005 г.

Кравченко, А. Г.
К 78 Геополитика : курс лекций для студентов специальности 1-25 01 03 «Мировая экономика» / А. Г. Кравченко. – Гомель : учреждение образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», 2007. – 84 с.
ISBN 978-985-461-509-7

УДК 327
ББК 66.4(0)03

ISBN 978-985-461-509-7

© Учреждение образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», 2007

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия существенно возрос интерес к геополитике – научной дисциплине, с начала XX в. ориентированной на изучение роли пространственных факторов в международных отношениях. Причины этого явления заключаются в глобализации мировых процессов, смене биполярности в международных отношениях, однополюсностью и наметившейся тенденции перехода к многополярности мира.

Сегодняшний повсеместный интерес к геополитике, на наш взгляд, вызван рядом причин. Важнейшая из них – стремление осмыслить причины и последствия эволюции геопространства бывшего СССР. Повышенное внимание к геополитике предопределено также становлением единого и взимозависимого мира. Наконец, растущее количество геополитических исследований является естественной реакцией общества на длительную официальную дискредитацию геополитики как лженауки, хотя сам термин широко использовался в политической риторике и в средствах массовой информации.

Интерес к геополитике актуализируется еще и тем, что Республика Беларусь неожиданно оказалась на историческом перепутье, столкнулась с альтернативностью вариантов общественного развития. Государству, стремящемуся выйти на новые пути социально-экономического развития, нужен научный подход к выбору модели социально-экономического и политического устройства. А это обуславливает необходимость сбора и накопления своего геополитического материала, осмысления геополитической теории и политической практики других стран, аргументированного разрешения спорных вопросов с соседними державами. Геополитика может внести свою лепту в становление и развитие разумных цивилизованных форм жизни и в самой республике.

Для студентов, изучающих мировую экономику и международные экономические отношения, данный курс является определяющим для адекватной ориентации в динамичных процессах становления многополярного мира, он позволяет исследовать основные тенденции развития современных геополитических процессов, определять статус и перспективы Республики Беларусь в трансформирующемся мире.

1. ГЕОПОЛИТИКА – МИРОВОЗЗРЕНИЕ ВЛАСТИ

1.1. География и политика как начало геополитики

Геополитика возникла не на пустом месте, а на реальном существовании определенной проблемной сферы. Она охватывает проблемы мирового сообщества в тех аспектах, которые касаются разработки, принятия и реализации политической стратегии основными действующими лицами, так называемыми акторами международной системы на международном, региональном и других уровнях.

Традиционные представления о международных отношениях основывались на трех главных «китах» – территории, суверенитете, безопасности государств – двигателях международной политики. В работах отцов-основателей геополитики центральное место в детерминации международной политики занимало его географическое положение. По их мнению, сила государства кроется в самой мощи земли. Отсюда главная цель геополитики рассматривалась в положении государства в отношении географической среды и постижении природных явлений во взаимодействии друг с другом.

Поэтому геополитика первоначально понималась всецело как завоевание определенных территорий под военный и политический контроль. Она возникла в русле географических направлений социальных и гуманитарных наук XIX–XX вв. Географическая объективность ее основывается на признании того, что именно географический фактор, т. е. месторасположение страны, ее природно-климатические условия, близость или удаленность от морей и океанов и другие условия определяют основные направления общественно-исторического развития того или иного государства, народа, его характер, поведение на международной арене. Иными словами, географическая среда рассматривается в качестве решающего фактора экономического, социального и культурного развития народа.

Идеи об обусловленности жизни людей и государств географической средой высказывали древние мыслители, такие, как Демокрит, Геродот, Страбон, Полибий и др.

Но все же признанным отцом географического направления считается германский географ, основатель политической географии конца XIX – начала XX вв. Ф. Ратцель. Заслуга его заключалась в том, что он сделал попытку связать друг с другом политику и географию, изучить политику государства, опираясь на географическое положение занимаемого им пространства.

Идеи самого Ф. Ратцеля опирались на воззрения И. Гердера, К. Риттера, А. фон Гумбольдта, И. Канта и других немецких мыслителей, которые значительное внимание уделяли физическому окружению и его влиянию на общественно-историческое развитие. Так, по мнению Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803 гг.), движущей силой развития цивилизации выступают внешние и внутренние факторы. К внешним факторам он относил физическую природу (климат, почва, физико-географическое положение).

Последователем Гердера можно считать Карла Риттера (1779–1858 гг.), выдающегося представителя немецкой школы географического детерминизма. Он считал, что развитие народов идет по пути, предписанному им окружающей средой, существенной частью которой являются природные условия.

К. Риттер разработал иерархическую систему регионального деления мира в рамках единого глобального пространства. Он разделил Землю на сухопутную (континентальную) полусферу и полусферу водную (морскую). Границу между ними он представил в виде большого полукруга, проходящего в Южной Америке через Перу и затем через южную часть Азии. В континентальной полусфере он выделил два больших региона: Старый Свет и Новый Свет. Так как первый простирается с востока на запад, то обладает климатическим однообразием. Второй, в связи с тем, что расположен с севера на юг, отличается большим климатическим разнообразием. Это различие оказало существенное влияние на характер населяющих каждый регион народов, на их взаимоотношения, поскольку природа влияет не только на труд, но и на каждый аспект жизнедеятельности человека.

Современник К. Риттера Александр фон Гумбольдт (1769–1859 гг.) в своих исследованиях основывался на использовании громадного эмпирического материала и успехах естествознания своего времени. Он считал, что география должна давать целостную картину окружающего мира и служить конкретным социальным, политическим и экономическим целям человека.

Иммануил Кант (1724–1804 гг.) в своих лекциях по географии говорил о влиянии физической географии на национальный характер народов, на политическую географию, «торговую географию» и на «геологическую географию» отдельных народов.

В то же время геополитический анализ международной обстановки тесно связан с историей возникновения и развития политической географии.

Политическая география хронологически предшествовала геополитике, хотя ее зарождение связано с эпохой Великих географических открытий. Необходимо было систематизировать огромное количество данных, описать новые земли, характер политических правлений и т. п. Здесь речь шла о создании политической карты мира. Таким образом, политическая география в то время была как бы «констатирующей» наукой.

В целом, политическая география занимается исследованием взаимодействия с интегральным геопространством политической сферы как одной из четырех основных сфер деятельности людей – экономической, социальной, политической и духовной. Наиболее сложно организованное интегральное геопространство, в свою очередь, состоит из экономического, социального, культурного и физического пространств. Наложение этих пространств создает дифференциацию интегрального геопространства – социально-экономических и природных условий политической деятельности: специализации и структуры хозяйства, расселения, количественных и качественных характеристик населения, в первую очередь, его социального состава, уровня и образа жизни, политической культуры. Человеку, одержимому волей к власти, важно, чтобы те, кто может осуществлять эту волю, знали, что этого требует религия, мораль, обычай, закон и их экономический интерес. Стремящийся к власти апеллирует ко всему, что только может затронуть сердца людей, кем бы эти люди не были. В результате, человечество взаимодействует не только с географическим пространством, но и с политикой государства.

Политическая деятельность, будучи тесно связанной с деятельностью экономической и другими сферами общественной жизни, обладает, вместе с тем, значительной степенью самостоятельности. Все это открывает путь для политических акций, противоречащих законам естественного социального развития или, что встречается гораздо чаще, учитывающих действие этих законов не полностью, а лишь частично. Политические действия, отражающие назревшие потребности общественного развития, выступают как мощный ускоритель социальной динамики, как сила, способствующая сознательной и эффективной реализации возможностей, заложенных в объективном ходе вещей.

Пока политика является только средством осуществления идеи либо разделом экономических или правовых отношений, нет смысла говорить о ней как о форме духа; здесь она лишь необходимая профессия в рамках войны, экономики и права. Но когда она превращается в самоцель, политика становится уже некой ступенью духа, на которой дух вырождается до неузнаваемости, окончательно разлагается. Истинным историческим и социальным парадоксом является тот факт, что в огромном количестве обществ порядок поддерживается носителями власти, которые, в свою очередь, утратили всякий порядок внутри себя, поскольку условием всепоглощающего стремления к власти и достижения ее у них явился полный внутренний хаос, называемый волей к власти, разрушающий всякую систему духа и направляющий человеческую активность в беспредельную пустоту.

Таким образом, для политического человека и общества, в котором господствует этот тип людей, религия, мораль, культура, право и экономика – все превращается в идеологию.

Следовательно, политика – это не только сфера деятельности, но и своеобразная форма духа. Геополитика должна установить связь духа с природой в ее географическом проявлении.

Таким образом, отношения между природой и политикой могут быть истолкованы как отношения между двумя формами духа. Другими словами, геополитика есть то, что логически предполагает это слово, т. е. географическая политика – не география, а именно политика, географически интерпретированная и проанализированная в соответствии с ее географическим содержанием.

1.2. Предмет геополитики

Геополитика, как и всякая другая наука, имеет предмет исследования, который постоянно меняется. Геополитика постоянно меняется, притягивая новые проблемы развития природы и человеческого общества. Она стала многоуровневой дисциплиной, как стал многополярным мир и многоуровневой глобальная мировая политика. Нынешняя геополитика анализирует развитие современных событий на глобальном, региональном, субрегиональном и внутригосударственном уровнях, отражающих интересы государств. Мир под воздействием различных событий меняется, его основа наполняется новыми элементами, которые не отменяют географические факторы, а добавляются к ним и формируют геополитическую модель современного мира. С 50-х гг. прошлого века в результате научно-технической революции (НТР) к новым элементам геополитики добавились экономические процессы. Международное разделение труда, связанное во многом с НТР, вовлечение в производственный процесс все новых видов природных ресурсов, переработка отходов, привело к реальной глобализации экономических процессов. Это нашло отражение не только в технико-технологическом и организационном плане, но также в международной торговле, межгосударственном движении капиталов, инвестиций, перемещении рабочей силы, информационных потоков и т. д. Эти процессы оказывают все большее влияние на все сферы международной жизни. Как показывают последние события, в XXI в. экономические факторы будут оказывать еще большее влияние, и экономические конфликты лишь закрепятся на первом месте среди всех видов межгосударственных и межнациональных конфликтов. Для их разрешения будет использоваться сила военная и военно-политическая, которая в свою очередь зависит от состояния экономики, в результате чего любой анализ геополитической ситуации без анализа экономических факторов не позволит сделать научно обоснованных выводов и дать правильные рекомендации политическим и государственным лидерам.

Экономические процессы, научно-техническая революция все больше влияют на окружающую среду, экологическую обстановку, на самого человека, общество (появление новых производств и городов, миграция рабочей силы, строительство транспортных коммуникаций и так далее). Экономические интересы выступают на первый план при установлении всех форм международных отношений. Но так как глобальные экономические процессы, протекающие на планете, отличаются большой динамичностью, то они определяют нестабильность современной геополитической ситуации.

В настоящее время существует ряд причин, которые оказывают большое влияние на геополитику и служат предметом ее исследования.

После окончания Второй мировой войны перед развитыми странами встала проблема восстановления разрушенной в ходе войны экономики. Важное значение имело ускорение и углубление научно-технического прогресса, его проникновение в новые сферы производства, превращение науки в непосредственную производственную силу.

Научно-технический прогресс стал одним из основополагающих путей интенсивного развития современного мира. Первая его волна, начавшаяся в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в., революционизировала экономическую инфраструктуру. Возникли новые наукоемкие, трудо- и энергосберегающие технологии. Характерной приметой данного времени явилось усиление развития военно-промышленного комплекса. На базе научно-технических достижений стало возможным создание принципиально новых типов вооружения и средств их доставки, способных в кратчайшие сроки поражать самые удаленные цели.

Большое влияние научно-технический прогресс оказал также на человеческие факторы производства. Это выразилось в существенном повышении общеобразовательного и квалифицированного уровня рабочей силы, а также роли научных работников, специалистов различных профессий, экспертов, инженерного персонала. Работники умственного труда превратились в массовый слой. Эти и другие факторы в совокупности обеспечили возможность модернизации промышленности и сельского хозяйства, ускорение темпов экономического развития. Для 50–60-х гг. привычными стали такие понятия, как «германское чудо», «итальянское чудо» и так далее, под которыми подразумевалось быстрое экономическое развитие соответствующих стран.

Во второй половине 70-х гг. XX в. с началом следующей волны научно-технического прогресса, получившей название информационно-телекоммуникационной революции, современный капитализм вступил в новый этап своего развития. Результатами этой революции явились широкое использование в экономике электронно-вычислительных машин, информатизация, применение станков с программным управлением, создание центров сбора, обработки и хранения информации, внедрение интегральных схем и т. д.

Огромное значение с экономической точки зрения приобретают разработка и размещение глобальных технологических систем – погодных, коммуникационных, навигационных и других, характерных для космической эры. Эволюция экономики в направлении информационных, энергосберегающих и наукоемких отраслей снижает ее зависимость от природных факторов. Полупроводниковые чипы, пластмассы, используемые в автомобилестроении, кабель из волоконного стекла и другое, требуют значительно меньше сырья. В XXI в. эта тенденция усилится, что, естественно, приведет к дальнейшему изменению роли отдельных видов природных ресурсов в качестве фактора геополитики и геоэкономики.

Достижения науки и техники в последнее время привели к значительным успехам в сельском хозяй-

стве. Сбор зерновых увеличился более чем в 2,5 раза, т. е. обогнал рост численности населения земного шара. В оборот было введено большое количество обрабатываемых земель. Возросло производство новых эффективных сельскохозяйственных машин, удобрений, построено большое количество новых ирригационных систем.

Однако по данным Института мировых наблюдений, для того чтобы просто поспевать за ростом численности населения Земли, необходим ежегодный прирост объемов зерна почти на 30 млн т. Это означает, что при нынешнем росте объемов зерна (15 млн т) увеличивающееся число людей, не получающих достаточное количество пищи, будет возрастать. В настоящее время их насчитывается до полумиллиона человек, поэтому перед наукой стоят новые пути выполнения нехватки пищевых продуктов.

Высокие технологии становятся определяющим фактором инфраструктуры безопасности и геополитического статуса страны и народа в рамках мирового сообщества. Ставки в этой игре – это не просто рынки как таковые, а осознанная потребность крупных технологических держав, убежденных в необходимости захвата своей доли мирового производства в передовых секторах, чтобы компенсировать неизбежный упадок других секторов. На сегодняшний день ведущие страны мира продемонстрировали способность держать под своим контролем ситуацию и не допускать конфликтов, присущих борьбе за господство в сфере высоких технологий. Обеспечение такого контроля станет одной из решающих политических и правовых задач и в ближайшей перспективе.

В целом развитие новейших технологий внесло судьбоносные изменения в экономику. Если первоначально эти технологии рассматривались как элементы необходимой инфраструктуры, то теперь они стали универсальным средством экономического, культурного и политического развития. Все более возрастает их роль в направлении качественного изменения международных экономических связей. Они обеспечивают организацию единого прямого контроля разбросанных по многим регионам предприятий, децентрализованное производство с централизованным финансовым контролем.

Немаловажное значение приобретают процессы, касающиеся собственности. Традиционно на страновом уровне главными механизмами регулирования распределения и перераспределения материальных благ являются право собственности и возможность распоряжаться ею, а также конкуренция собственников между собой. Право собственности и воплощающие ее нормы составляют основные средства упорядочения внутренних социальных, экономических и политических проблем. Определение и распределение прав собственности отражают власть и интересы господствующих членов общества. По этой причине внутривнутриполитические изменения во многом связаны с перестройкой и перераспределением прав собственности.

И в этом контексте мы являемся свидетелями разительных перемен. Прогрессирующее расширение прав собственности физических лиц, корпораций в географическом плане в сочетании с возможностью пересечения национально-государственных границ стало ключевым моментом современных международных отношений. Идея, согласно которой гражданин одной страны вправе осуществлять права собственности за пределами своих национальных границ, составляет радикально новую особенность современного мира. Определение правил, регулирующих эти права, стало важным аспектом изменений в международной политике.

Эти изменения стимулировали и интенсифицировали процессы транснационализации и глобализации экономики, что, в свою очередь, привело к формированию в мировой экономике глобальных хозяйственных комплексов – многопрофильных транснациональных корпораций (ТНК), банков (ТНБ) и т. д.

Вся планета как бы превращается, если не в единую фабрику, то в единую глобальную систему, которую отнюдь нельзя представлять в качестве заповедника стихийных рыночных отношений между государствами в классическом смысле слова. Речь идет о глобально функционирующем мировом производственно-хозяйственном механизме, интегральной составной частью которого стали отдельные национальные экономики.

Во всепланетарных масштабах усиливаются интеграционные процессы в мировой экономике. В настоящее время в мире насчитывается более 15 интеграционных объединений, многие из которых представляют довольно аморфные образования, но часть из них достигла значительных успехов и составляет реальную экономическую и в некоторой степени политическую силу, например, Европейский союз.

В результате расширения сферы деятельности транснациональных компаний и движения капиталов происходит постепенное размывание экономических границ между отдельными государствами. Действуют Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ) и другие финансовые организации и институты. Складывается и расширяется система разнообразных связей между этими организациями и отдельными странами. Это способствует сокращению различий между государствами в рамках отдельных регионов по уровню организации и эффективности производства.

При таком положении вещей возрастает степень и масштабы взаимного влияния национальных экономик друг на друга, причем это влияние ощущается почти во всех сферах жизни. Традиционно в каждом из отдельно взятых государств лучшие системы менеджмента были разработаны правительствами, которые столкнулись с такими проблемами национальной экономики, как безработица, инфляция, экономический спад, низкий уровень технологии, географическое неравенство темпов экономического развития и т. д. В настоящее время все эти проблемы носят скорее интернациональный, нежели национальный характер.

Спад и безработица в одной стране часто «экспортируются» в другие страны. Например, когда в американской экономике начинается спад, экономику остального мира поражает кризис. Инфляция в одной стране часто способствует инфляции в других странах.

Финансовые рынки и даже отдельные крупные финансисты или учреждения оказываются способными существенно влиять на результаты принимаемых государствами политических решений, а также и на сам характер этих решений. То же самое можно сказать и о банках других стран, располагающих значительными финансовыми средствами. Фактом является то, что Токио, Гонконг, Сингапур, Сеул, Касабланка, Москва в равной степени, как и старые центры – Париж, Лондон, Берлин, Рим, Нью-Йорк, Сан-Франциско и другие превращаются в опорные центры всепланетарной цивилизации.

Подобно нелегальной иммиграции и глобальному потеплению, интернационализация промышленного производства и финансов подрывает способность людей контролировать собственную судьбу. Показательно, что это касается не только средних, малых или неразвитых в социокультурном и экономическом отношениях стран, но и такой страны, как США, которые сыграли ключевую роль в интернационализации мировой экономики.

Экономические проблемы могут возникнуть в связи с замедлением темпов глобального экономического роста. Высокий уровень безработицы на западе и увеличение контраста между стагнирующим Западом и динамичным Востоком способны усилить требования протекционистских мер против Японии и Восточной Азии в целом.

Важной особенностью глобальной экономики является то, что в ее рамках ни одна страна не способна существовать и обеспечивать эффективную жизнедеятельность в условиях экономической автаркии. Более того, рыночная экономика и экономическая открытость – необходимые предпосылки жизнеспособности экономики как отдельно взятой страны, так и глобальной экономики в целом.

Результатом научно-технического прогресса явилось снижение роли отдельных географических элементов: больших пространств, океанов, морей, гор, рек, лесов и степей. В то же время возросла роль трубопроводов, автотранспорта и воздушных перевозок. Увеличилось значение относительно малых стран, обладающих научным потенциалом, технологиями и финансами.

При решении геополитических и региональных проблем сейчас чаще применяется военная сила – так называемые «локальные войны» (Ирак, Югославия, Чечня, Карабах, Приднестровье, Афганистан и т. д.).

В будущем частота применения силы, по мнению геополитиков, возрастет, так как обострятся главные противоречия планеты: передел мира, источников сырья и энергоносителей, экономическое противостояние, борьба за мировые рынки и т. д. Предметом озабоченности людей в мире становится расширение числа ядерных держав, а для Республики Беларусь – появление нового элемента геополитики – расширение НАТО, присвоившего право международного арбитра.

1.3. Законы геополитики

Геополитика имеет множество пересечений с социологией, политологией, военной стратегией, дипломатией, историей религий и т. д. Связана она также и с экономикой, так как некоторые геополитики предлагали основать новую науку – геоэкономике.

В настоящее время геополитика имеет значение как для чисто теоретических исследований, так и для практических шагов в управлении сложными цивилизационными процессами – в масштабе планеты или в масштабе отдельных государств или блоков государств. Это наука будущего, основы которой в самом ближайшем времени будут преподаваться во всех учебных заведениях. С помощью геополитического анализа можно осмыслить целые эпохи исторического развития стран и народов.

По мере накопления экономического, финансового, интеллектуального потенциала государственная мощь стала «прирастать» этими элементами. Вторая половина XX в. показала, что борьба за передел мира может вестись не только с применением военной силы, но и путем экономической, финансовой, культурно-идеологической экспансии.

Многие современные геополитики полагают, что мощь страны – величина не абсолютная, измеряемая какими-то единицами, а относительная, т. е. проявляющаяся в процессе интеракций государств в международных отношениях и оцениваемая по их результатам.

Вместе с тем все более очевидна роль геополитики в широком геополитическом исследовании, основанном на применении принципов глобального геополитического дуализма Суши и Моря к более локальным категориям. При анализе любой ситуации именно планетарная модель остается главной и основополагающей.

Помимо двух основных принципов (талассократии и теллуократии), следующим важнейшим принципом является Rimland – «береговая зона». Это ключевая категория, лежащая в основе геополитического исследования.

«Береговая зона» выступает как субъект истории со своей волей и судьбой. Rimland представляет собой составное пространство, которое потенциально несет в себе возможность быть фрагментом либо талассократии, либо теллуократии. Это наиболее насыщенный культурный регион. Влияние морской стихии, воды, провоцирует в «береговой зоне» активное и динамичное развитие. С одной стороны, континенталь-

ная масса давит, заставляя структурировать энергию и Rimland переходит в Остров и Корабль. С другой стороны – в Империю и Дом.

Rimland является сложной реальностью, имеющей самостоятельную логику и в огромной мере влияющей и на талассократию, и на теллуократию. Это не объект истории, но его активный субъект. Борьба за Rimland талассократии и теллуократии не есть соперничество за обладание простой стратегической позицией. «Береговая зона» обладает собственной судьбой и собственной исторической волей, которая, однако, не может разрешиться вне базового геополитического дуализма. Rimland в значительной степени свободен в выборе, но не свободен в структуре выбора, так как, кроме талассократического или теллуократического пути, третьего ему не дано.

«Береговые зоны» самой своей позицией поставлены перед необходимостью давать ответ на проблему, предложенную географией.

Rimland является пограничной зоной, поясом, полосой. Вместе с тем – это граница. Такое сочетание подводит к геополитическому определению границы.

В отличие от границ между государствами, геополитика понимает этот термин иначе, отправляясь от изначальной модели, в которой первограницей или архетипом всех границ является конкретное историко-географическое и культурное понятие Rimland.

Пространственный объем «береговых зон» является следствием взгляда на материк извне. Именно для «сил моря» берег является полосой, простирающейся вглубь суши. Для самого материка, берег это предел, линия. Такой взгляд сугубо сухопутный.

На взгляд морской, внешний по отношению к матерiku, видит береговые территории как потенциальные колонии, как полосы земли, которые можно оторвать от остальной континентальной массы, превратить в базу, в стратегическое пространство. При этом береговая зона никогда не становится до конца «своей», а при необходимости можно сесть на корабль и уплыть на родину, на «остров». Полосой же берег становится именно за счет того, что пришельцам с моря небезопасно углубляться внутрь континента только на определенное расстояние.

В связи с тем, что геополитика совмещает оба взгляда на пространство – морской и сухопутный, то в ней Rimland понимается как особая реальность, как граница-полоса, причем ее качественный объем зависит от того, какой импульс доминирует в данном секторе – сухопутный или морской. Гигантские и вполне судоходные океанические побережья Индии и Китая – суть линии, полосы минимального объема. Соответствующие культуры имеют сухопутную ориентацию, и объем береговых полос тяготеет к нулю, к тому, чтобы стать просто концом материка. В Европе и, особенно, в Средиземноморье «береговые зоны» – широкие полосы, уходящие далеко вглубь «материка», их объем максимален, но в обоих случаях речь идет о геополитической границе. Таким образом, это категория переменная, варьирующаяся, в зависимости от обстоятельств, от линии до полосы.

Такой подход геополитика проецирует и на анализ более частных проблем, связанных с границами. Она рассматривает границы между государствами, по мнению А. Дугина, как «зоны переменного объема». Этот объем – его сокращение или расширение – зависит от общей континентальной динамики. В зависимости от нее эти зоны меняют форму и траекторию в заданных пределах. В понятие «геополитические границы» могут входить целые государства. Например, английская идея «санитарного кордона» между Россией и Германией предполагала создание «ничейной» зоны, состоящей из прибалтийских и восточноевропейских государств. Континенталистская политика России и Германии, напротив, тяготела к тому, чтобы превратить эту зону в линию. Талассократы-атлантисты стремились ее максимально расширить, создавая цепь небольших государств.

При этом законченная и совершенная талассократия (Англия, США) применяет в данном случае двойной стандарт: границы собственных Островов талассократы стремятся свести к линии, а береговые зоны Евразии максимально расширить. Для континенталистской геополитики логично использовать точно такой же принцип в обратном направлении: границы Евразии – линии, границы Америки – полосы.

1.4. Методы геополитики

Геополитика использует различные методы для изучения явлений и процессов. Как правило, эти методы разрабатывались в других науках: политической географии, истории, социологии, политологии. Это могут быть любые методы, применяемые наукой: системный, сравнительный, исторический, функциональный, к которому примыкает прикладной анализ, а также общелогические методы и др.

Принято считать, что *системный метод* в социологии и политологии детально разработан в 50–60-х гг. XX в. Т. Парсоном. Суть этого метода состоит в рассмотрении любой сферы общественной жизни, науки, в частности, геополитики, как целостного, сложно организованного и саморегулирующего организма, находящегося в непрерывном взаимодействии с окружающей средой через входы и выходы системы. Как и любая система, геополитическая стремится к самосохранению и выполняет определенные функции.

Основоположниками *сравнительного метода* были мыслители Античного мира и Древнего Рима. Этот метод широко распространен при изучении социологии, географии, истории и политологии. Геополитика как синтетическая наука также широко им пользуется. Этот метод позволяет плодотворно использовать

опыт других народов и государств. Это не слепое копирование тех или иных способов достижения геополитических целей, а творческое решение задач применительно к условиям, месту и времени.

Исторический метод также издавна применяется во всех общественных науках. Он изучает все явления жизни в последовательном временном развитии, выявлении связи прошлого, настоящего и будущего.

Функциональный метод требует тщательного изучения зависимостей между различными сферами общественной жизни или отношениями между странами или группой стран: их политическими, экономическими отношениями, уровнями военной мощи, демографической ситуацией, политической активностью населения, развитием культуры и т. д.

К этому методу примыкает три сравнительно простые, но обладающие достаточно высокой разрешающей способностью методики:

- контент-анализ;
- инвент-анализ;
- когнитивное картирование.

Эти методики сложились и были апробированы в различные периоды развития прикладных политологических исследований, пережили подъем и спад научного интереса к ним, неоднократно модифицировались в конкретных проектах. Но именно контент-анализ, инвент-анализ и когнитивное картирование составляют триаду базовых средств прикладного анализа в сфере международных ситуаций и процессов.

Методика контентного анализа впервые введена в научный оборот в конце 30-х гг. XX в. в США и долгое время использовалась главным образом для изучения содержания средств массовой информации.

В настоящее время методика контент-анализа позволяет расширить представления о реальных политических процессах. Этой методике отдается предпочтение при изучении международных проблем, которые могут включать внутренние и внешние политические события, лиц, являющихся их инициаторами, оценочные отношения к событиям («за – против», «выгодно – невыгодно» и т. п.), целевые установки деятельности государств, партий, лидеров, объекты целенаправленной политической деятельности, способы достижения цели (военные акции, экономическое давление, политическое воздействие) и некоторые другие ключевые понятия из сферы политической жизни.

Событийный анализ (инвент-анализ) является одним из самых распространенных методических средств прикладного изучения динамики политических ситуаций. Методика инвент-анализа основана на слежении за ходом и интенсивностью событий с целью определения основных тенденций эволюции обстановки в отдельных странах и на международной арене.

Инвент-анализ в прикладном исследовании может быть использован как источник информации для построения гипотез, может служить для проверки данных, полученных другими методами, с его помощью можно извлечь дополнительные сведения об изучаемом объекте.

Применение методики инвент-анализа заключается в восприятии, выделении и регистрации всех (или только основных) фактов, касающихся поведения изучаемого объекта, изменений его социальной среды, условий функционирования и развития, значимых с точки зрения цели исследования.

При изучении и прогнозировании внешней политики и международных отношений важным является то, как лица, принимающие решения, видят ту или иную геополитическую ситуацию. Поэтому психологические аспекты внешнеполитической (геополитической) практики привлекают внимание широкого круга исследователей. В 70-е гг. XX в. наряду с такими подходами, как анализ политических биографий и составление психологических портретов, значительную популярность завоевало сравнительно новое направление в изучении особенностей индивидуального (реже группового) политического мышления субъектов международных отношений – когнитивное картирование.

Применение методики когнитивного картирования предусматривает, во-первых, выявление основных понятий, которыми оперирует политический деятель, во-вторых, указание существования между ними причинно-следственных связей, в-третьих, оценку значимости и «плотности» этих связей. Эти и другие показатели, значимость которых учитывается в зависимости от степени и глубины проработанных иерархических связей когнитивной карты, могут использоваться как для оценки восприятия внешнеполитических проблем определенным деятелем (в том числе и в динамике), так и в целях сравнения его когнитивного стиля с когнитивным стилем других деятелей соответствующего ранга. Интересным представляется и вопрос об установлении национальных особенностей когнитивного стиля политических лидеров.

Общелогические методы относятся в большей степени к организации и процедуре познавательного процесса, связанными с геополитическими действиями и изменениями. В эту группу входят анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и восхождение от абстрактного к конкретному, сочетание анализа исторического и логического, все виды эксперимента, моделирование, кибернетические, математические, прогностические и другие методы.

Методы эмпирических исследований пришли в геополитику и вообще в науку из социологии, статистики, кибернетики и других наук. К ним относятся анализ документов, опросы, эксперименты, теория игр и др.

2. ОСНОВАТЕЛИ ГЕОПОЛИТИКИ

У истоков геополитики стояли ученые-интеллектуалы, характерной особенностью которых было умение генерировать новые идеи. Большинство из них не подозревало о существовании науки под названием «геополитика», которой XX в. приготовил жесткие испытания.

Идеи, которые в наше время принято причислять к геополитическим, в тех или иных формах, по-видимому, возникли одновременно с феноменом государственной экспансии и имперского государства. В современном понимании они сформировались и получили популярность на рубеже XIX и XX вв. Возникновение именно в этот период геополитических идей и самой геополитики как самостоятельной области исследования международных отношений и мирового сообщества было вызвано целым комплексом факторов. Приведем некоторые из них:

1. Это наметившиеся к тому времени тенденции к постепенному формированию глобального рынка, уплотнению ойкумены и «закрытию» мирового пространства.

2. Замедление европейской, чисто пространственно-территориальной экспансии вследствие завершения фактического предела мира и ужесточения борьбы за передел поделенного мира.

3. Перенесение в результате этих процессов неустойчивого баланса между европейскими странами на другие континенты «закрывшегося» мира.

4. История начинала переставать быть историей одной только Европы или Запада, она превращалась уже в действительно всемирную историю.

5. В силу только что названных факторов именно тогда начали разрабатываться теоретические основы силовой политики на международной арене, послужившие в дальнейшем краеугольным камнем политического реализма.

Необходимо учесть и то, что геополитические идеи и сама геополитика возникли и развивались в общем русле эволюции научной мысли того периода. В целом она представляла собой ни что иное, как перенесенное в сферу международных отношений господствующее в тот период как в естественных, так и в социальных и гуманитарных науках идеи и концепции, а именно детерминизма (в его географическом варианте), строгих естественноисторических законов, социал-дарвинизма, органицизма и т. д.

Традиционные представления о международных отношениях основывались на трех главных «китах» — территории, суверенитете, безопасности государств — основах международной политики. В трактовке же отцов-основателей геополитики того или иного государства отводилось его географическому положению. Смысл геополитики виделся в выдвигании на передний план пространственного, территориального начала. Не случайно одним из первых, кто предпринял попытку связать между собой политику и географию и изучить политику того или иного государства, исходя из его географического положения, занимаемого им пространства, был германский географ, зачинатель политической географии конца XIX — начала XX вв. Фридрих Ратцель.

2.1. Школа Фридриха Ратцеля

Фридриха Ратцеля (1844–1904 гг.) можно считать «отцом» геополитики, хотя он этого термина в своих трудах не использовал. Он писал о политической географии.

Ф. Ратцель окончил Политехнический университет в Карлсруе, где он слушал курсы геологии, палеонтологии и зоологии. Завершил свое образование в Гейдельбергском университете, где стал другом и учеником профессора Эрнста Геккеля (1834–1919 гг.), который первым употребил и ввел в научный оборот термин «экология». Геккель был прямым учеником Чарльза Дарвина, поэтому мировоззрение Ратцеля было основано на дарвинизме и проявилось в форме социал-дарвинизма.

В 1870 г. Ратцель добровольцем отправился на войну, где получает «Железный Крест» за храбрость. После войны он некоторое время занимается исследованиями в области демографии. В 1876 г. Ратцель защитил диссертацию об эмиграции в Китае. Ратцель стал преподавателем географии в техническом институте Мюнхена, а в 1886 году перешел на кафедру географии в Лейпциге. Наряду с наукой, Ратцель прямо интересовался и политикой, занимая националистические позиции. В 1890 г. он вступает в «Пангерманистскую лигу» Карла Петерса.

В 1882 г. в Штутгарте вышел его фундаментальный труд «Антропогеография», в котором он формирует свои основные идеи: связь эволюции народов и демографии с географическими данными, влияние рельефа местности на культурное и политическое становление народов и др.

Но самым главным трудом Ратцеля стала книга «Политическая география», которая вышла в 1897 г. В этой работе Ратцель показывает, что почва является основополагающей, неизменной данностью, вокруг которой вращаются интересы народов. Далее следует эволюционистский вывод о том, что «государство является живым организмом», но организмом, «укорененным в почве».

По мнению Ратцеля, государство совпадает с государственно-организованным обществом, оно является выражением интересов всего общества. Он пишет: «Государство складывается как организм, привязанный к определенной части поверхности земли, а его характеристики развиваются из характеристик народа и почвы. Наиболее важными характеристиками являются размеры, местоположение и границы».

Отношение к государству как к живому организму предполагало отказ от концепции «нерушимости границ». Государство рождается, растет, умирает, подобно живому существу. Следовательно, его пространственное расширение и сжатие являются естественными процессами, связанными с его внутренним жизненным циклом. Ратцель в своей книге «О законах пространственного роста Государств» (1901 г.) выделил семь законов экспансии:

1. Протяженность Государств увеличивается по мере развития их культуры.
2. Пространственный рост Государства сопровождается иными проявлениями его развития: в сферах идеологии, производства, коммерческой деятельности, мощного «притягательного излучения», прозелитизма.
3. Государство расширяется, поглощая и абсорбируя политические единицы меньшей значимости.
4. Граница – это орган, расположенный на периферии Государства (понятого как организм).
5. Осуществляя свою пространственную экспансию, Государство стремится охватить важнейшие для его развития регионы: побережья, бассейны рек, долины и вообще все богатые территории.
6. Изначальный импульс экспансии приходит извне, так как Государство провоцируется на расширение государством (или территорией) с явно низшей цивилизацией.
7. Общая тенденция к ассимиляции или абсорбции более слабых наций подталкивает к еще большему увеличению территорий в движении, которое подпитывает само себя.

Неудивительно, что многие критики упрекали Ратцеля в том, что он написал «Катехизис для империалистов». Сам же Ратцель не стремился любыми путями оправдать немецкий империализм. Для него было важно создать концептуальный инструмент для адекватного осознания истории государства и народов в их отношении с пространством. Ратцель считал, что большое пространство поддерживает жизнь. Он верил, что в будущем будут доминировать крупные государства, занимающие большие континентальные пространства.

На Ратцеля в большей степени повлияло знакомство с Северной Америкой, которую он хорошо изучил и которой посвятил две книги: «Карты североамериканских городов и цивилизаций» (1874 г.) и «Соединенные Штаты Северной Америки» (1878–1880 гг.). Он отмечал, что «чувство пространства» у американцев развито в высшей степени, так как они были поставлены перед задачей освоения «пустых» пространств, имея за плечами значительный «политико-географический» опыт европейской истории. Следовательно, американцы осмысленно осуществляли то, к чему Старый Свет приходил интуитивно и постепенно. Так, у Ратцеля мы сталкиваемся с первыми формулировками второй важной геополитической концепции – концепции «мировой державы». Ратцель заметил, что у больших стран в их развитии есть тенденция к максимальной географической экспансии, выходящей постепенно на планетарный уровень. Следовательно, рано или поздно географическое развитие должно подойти к своей континентальной фазе. Применяя этот принцип, выведенный из американского опыта политического и стратегического объединения континентальных пространств, к Германии, Ратцель предрекал ей судьбу континентальной державы.

Предвидел Ратцель и другую важнейшую тему геополитики – значение моря для развития цивилизации. В книге «Море – источник могущества народов» (1900 г.) он указал на необходимость каждой мощной державы развивать свои военно-морские силы, так как этого требует планетарный масштаб полноценной экспансии. То, что некоторые народы и государства (Англия, Испания, Голландия и другие) осуществляли спонтанно, сухопутные державы (имелась в виду Германия) должны делать осмысленно: развитие флота является необходимым условием для приближения к статусу «мировой державы».

Особенность трудов Ратцеля заключается в том, что он одним из первых пытался присвоить основные положения географов других стран к специфике исторического развития Германии. Здесь впервые поднимаются проблемы территориального роста и могущества государства с точки зрения пространственной характеристики.

2.2. Геополитика Рудольфа Челлена и Фридриха Науманна

Шведскому ученому Юхану Рудольфу Челлену (1864–1922 гг.) геополитика обязана своим наименованием. Челлен был профессором истории и политических наук в университетах Уппсалы и Гетеборга. Кроме того, он активно участвовал в политической жизни, являлся членом парламента, отличаясь подчеркнутой германофильской ориентацией. Челлен не был профессиональным географом и рассматривал геополитику, основы которой он развил, отталкиваясь от работ Ратцеля (считал его своим учителем), как часть политологии.

Помимо понятия «геополитика» Челлен предложил еще четыре неологизма, которые, по его мнению, должны были составить основные разделы политической науки:

1. Экополитика – изучение государства как экономической силы.
2. Демополитика – исследование динамических импульсов, передаваемых народом государству (аналог «Антропогеографии» Ратцеля).
3. Социополитика – изучение социального аспекта государства.
4. Кратополитика – изучение форм правления и власти в соотношении с проблемами права и социаль-

но-экономическими факторами.

Но все эти дисциплины, которые Челлен развивал параллельно геополитике, не получили широкого признания, тогда как термин «геополитика» утвердился в самых различных кругах.

В работах Челлена содержатся, по сути дела, все принципиальные положения геополитики. В книге «Великие державы», изданной в 1910 г., Челлен пытался доказать, что малые страны, в силу своего географического положения, «обречены» на подчинение «великим державам», которые, в силу своей «географической судьбы», обязаны объединить их в большие географические и хозяйственные «комплексы».

Челлен указал, что отдельные «комплексы» такого рода, в частности, США, Британская империя, Российская империя, сложились еще в XVIII–XIX вв., тогда как образование большого европейского «комплекса» или единства составляет задачу Германии.

Впервые термин «геополитика» был введен Челленом в своем основном труде «Государство как форма жизни» (1916 г.). Здесь он развил постулаты, заложенные в труде Ратцеля. Челлен, как и Ратцель, считал себя последователем немецкого «органицизма», отвергавшего механицистский подход к государству и обществу. Отказ от строгого деления предметов изучения на «неодушевленные объекты» (фон) и «человеческие субъекты» (деятели) является отличительной чертой большинства геополитиков.

Челлен развил геополитические принципы Ратцеля применительно к конкретной исторической ситуации в современной ему Европе.

Он довел до логического конца идеи Ратцеля о «континентальном государстве» применительно к Германии. И показал, что в контексте Европы Германия является тем пространством, которое обладает особым динамизмом и которое призвано структурировать вокруг себя остальные европейские державы. Первую мировую войну Челлен интерпретировал как естественный геополитический конфликт, возникший между динамической экспансией Германии («страны оси») и противодействующими ей периферийными европейскими (и внеевропейскими) государствами (Антанта). Различия в геополитической динамике роста (нисходящей для Франции и Англии и восходящей для Германии) предопределили основной расклад сил. При этом, с его точки зрения, геополитическое отождествление Германии с Европой неизбежно и неотвратимо, несмотря на временное поражение в Первой мировой войне.

Челлен закрепил намеченную Ратцелем геополитическую максиму: интересы Германии противопоставлены интересам западноевропейских держав (особенно Франции и Англии). Но Германия государство «юное», а немцы – «юный народ» (эта идея «юных народов», которыми считались русские и немцы, восходит к Ф. М. Достоевскому, не раз цитируемому Челленом). «Юные» немцы, вдохновленные «среднеевропейским пространством», должны двигаться к континентальному государству планетарного масштаба за счет территорий, контролируемых «старыми народами» – французами и англичанами. При этом идеологический аспект геополитического противостояния считался Челленом второстепенным.

Хотя Челлен сам был шведом и настаивал на сближении шведской политики с германской, его геополитические представления о самостоятельном интегрирующем значении германского пространства точно совпадают с теорией «Средней Европы», развитой Фридрихом Науманном.

В своей книге «Средняя Европа» (1915 г.) Науманн дал геополитический диагноз, тождественный концепции Рудольфа Челлена. С его точки зрения, для того, чтобы выдержать конкуренцию с такими организованными геополитическими образованиями, как Англия (и ее колонии), США и Россия, народы, населяющие Центральную Европу, должны объединиться и организовать новое интегрированное политико-экономическое пространство. Осью такого пространства будут, естественно, немцы.

«Средняя Европа» в отличие от чистых «пангерманских» проектов была уже не национальным, но сугубо геополитическим понятием, в котором основное значение уделялось не этническому единству, а общности географической судьбы. Проект Науманна подразумевал интеграцию Германии, Австрии, придунайских государств и, в далекой перспективе, Франции.

Геополитический проект подтверждался и культурными параллелями. Сама Германия как органическое образование отождествлялась с духовным понятием *Mittellage* и «срединное положение».

2.3. Хэлфорд Дж. Маккиндер и его «Мировой остров»

Сэр Хэлфорд Маккиндер (1861–1947 гг.) – британский ученый и политический деятель. Получивший географическое образование, он преподавал в Оксфорде, начиная с 1887 г., пока не был назначен директором Лондонской экономической школы. С 1910 по 1922 гг. он был членом палаты общин, а в 1919–1920 гг. занимал пост верховного комиссара в оккупированных странами Антанты Украине и британского советника-проконсула в штабе генерала А. Деникина.

Маккиндер известен своим высоким положением в мире английской политики, на международные ориентации которой он весьма значительно повлиял, а также тем, что ему принадлежит самая смелая и революционная схема интерпретации политической истории мира.

Маккиндер выступил 25 января 1904 г. с докладом «Географическая ось истории» на заседании Королевского географического общества. Доклад был опубликован в 1904 г. в «Географическом журнале».

Маккиндер изложил геополитическую концепцию, согласно которой определяющим моментом в судьбе народов и государств является их географическое положение. Он утверждает, что для государства са-

мым выгодным географическим положением было бы срединное, центральное положение. Центральность – понятие относительное, и в каждом конкретном географическом случае оно может варьироваться. Но с планетарной точки зрения в центре мира лежит Евразийский континент, а в его центре – «сердце мира», или Heartland. Heartland – это сосредоточение континентальных масс Евразии. Это наиболее благоприятный географический плацдарм для контроля надо всем миром.

Евразия является ключевой территорией – в пределах Мирового Острова. В Мировой Остров Маккиндер включает три континента: Азию, Африку и Европу. Таким образом, Маккиндер иерархизирует планетарное пространство через систему концентрических кругов. В самом центре – «географическая ось истории» или «осевой ареал». Это геополитическое понятие географически тождественно России. Та же «осевая» реальность называется Heartland – «земля сердцевины».

Далее идут «внутренний или окраинный полумесяц» (*inner or marinal crescent*). Это пояс, совпадающий с береговыми пространствами евразийского континента. Согласно Маккиндеру, «внутренний полумесяц» представляет собой зону наиболее интенсивного развития цивилизации. Это соответствует исторической гипотезе о том, что цивилизация возникла изначально на берегах рек или морей, так называемой «потамической теории». Надо заметить, что эта теория является существенным моментом всех геополитических конструкций. Пересечение водного и сухопутного пространств является ключевым фактором истории народов и государств. Затем идет внешний круг: «внешний или островной полумесяц» (*outer or insular crescent*) – это зона целиком внешняя (географически и культурно) относительно материковой массы мирового острова.

Маккиндер считает, что весь ход истории детерминирован следующими процессами. Из центра Heartland на его периферию оказывается постоянное давление так называемых «разбойников суши». Особенно ярко и наглядно это отразилось в монгольских завоеваниях. Но им предшествовали скифы, гунны, аланы и т. д. Цивилизации, происходящие из «географической оси истории», из самых внутренних пространств Heartland, имеют, по мнению Маккиндера, «авторитарный», «иерархический», «недемократический» и «неторговый характер». В древнем мире он воплощен в обществе, подобном дорийской Спарте или Древнему Риму.

Извне, из регионов «островного полумесяца», на мировой Остров осуществляется давление так называемых «разбойников моря» или «островных жителей». Это – колониальные экспедиции, происходящие из внеевразийского центра, стремящиеся уравновесить сухопутные импульсы, проистекающие из внутренних пределов континента. Для цивилизации «внешнего полумесяца» характерны «торговый» характер и «демократические формы» политики. В древности таким характером отличались Афинское государство или Карфаген.

Между этими полярными цивилизационно-географическими импульсами находится зона «внутреннего полумесяца», которая, будучи двойственной и постоянно испытывая на себе противоположные культурные влияния, была наиболее подвижной и стала благодаря этому местом приоритетного развития цивилизации.

История, по Маккиндеру, географически вращается вокруг континентальной оси. Эта история яснее всего ощущается именно в пространстве «внутреннего полумесяца», тогда как в Heartland царит «застывший» архаизм, а во «внешнем полумесяце» – некий цивилизационный хаос.

Сам Маккиндер отождествлял свои интересы с интересами англосаксонского островного мира, т. е. с позицией «внешнего полумесяца». В такой ситуации основа геополитической ориентации «островного мира» виделась в максимальном ослаблении Heartland и в предельно возможном расширении влияния «внешнего полумесяца» на «полумесяц внутренний». Маккиндер считал, что главной задачей англосаксонской геополитики является недопущение образования стратегического континентального союза вокруг «географической оси истории» (России). Следовательно, стратегия сил «внешнего полумесяца» состоит в том, чтобы оторвать максимальное количество береговых пространств от Heartland и поставить их под влияние «островной цивилизации».

Маккиндер не просто строил теоретические гипотезы, но и активно участвовал в организации международной поддержки Антанты «белому движению», которое он считал атлантической тенденцией, направленной на ослабление мощи прогермански настроенных евразийцев-большевиков. Он лично консультировал вождей белого дела, стараясь добиться максимальной поддержки от правительства Англии. Кажется, он пророчески предвидел не только брестский мир, но и пакт Риббентроп–Молотов.

В 1919 г. в книге «Демократические идеалы и реальность» Маккиндер писал: «Что станет с силами моря, если однажды великий континент политически объединится, чтобы стать основой непобедимой армады?»

Именно Маккиндер заложил англосаксонскую политику, ставшую через полвека геополитикой США и Северо-Атлантического Союза, основанную на следующей тенденции: любыми способами препятствовать самой возможности создания евразийского блока, созданию стратегического союза России и Германии, геополитическому усилению Heartland и его экспансии.

Устойчивая русофобия Запада в XX в. имеет не столько идеологический, сколько геополитический характер. Хотя, учитывая выделенную Маккиндером связь между цивилизационным типом и геополитическим характером тех или иных сил, можно получить формулу, по которой геополитические термины легко

переводятся в термины идеологические.

«Внешний полумесяц» – либеральная демократия; «географическая ось истории» – недемократический авторитаризм; «внутренний полумесяц» – промежуточная модель, сочетание обоих идеологических систем.

Маккиндер участвовал в подготовке Версальского договора, основная геополитическая идея которого отражает сущность воззрений Маккиндера. Этот договор был составлен так, чтобы закрепить за Западной Европой характер береговой базы для морских сил (англосаксонский мир). Вместе с тем, он предусматривал создание лимитрофных государств, которые бы разделяли германцев и славян, всячески препятствуя заключению между ними континентального стратегического альянса, столь опасного для «островных держав» и, соответственно, «демократии».

Маккиндер делит всю геополитическую историю на три этапа:

1. *Доколумбова эпоха*. В ней народы, принадлежащие периферии Мирового Острова, например, римляне, живут под постоянной угрозой завоевания со стороны сил «сердечной земли». Для римлян это были германцы, гунны, аланы, парфяне и т. д., для средневековой ойкумены – золотая орда.

2. *Колумбова эпоха*. В этот период представители «внутреннего полумесяца» (береговых зон) отправляются на завоевание неизвестных территорий планеты, не встречая нигде серьезного сопротивления.

3. *Постколумбова эпоха*. Незавоеванных земель больше не существует. Динамические пульсации цивилизаций обречены на столкновение, увлекая народы земли во вселенскую гражданскую войну.

В целом, идея Маккиндера не была принята научным сообществом, несмотря на его высокое положение не только в политике, но и в самой научной среде. Но, несмотря на это, она, как истинно оригинальная теория, продолжает жить и привлекать к себе внимание практиков и теоретиков международных отношений. Взлеты и падения интереса к ней прямо пропорциональны происходящим изменениям в мировой геополитической ситуации: серьезные сдвиги и обострения в ней тотчас вызывают повышенное внимание и к доктрине Маккиндера.

2.4. «Морская сила»

Американец Альфред Мэхэн (1840–1914 гг.), в отличие от Ратцеля, Челлена и Маккиндера, был не ученым, а адмиралом морского флота. В 1885–1889 гг. Мэхэн – преподаватель, а с 1886 г. президент военноморского колледжа в Ньюпорте (Род-Айленд). В 1890 г. он опубликовал свою первую книгу, ставшую почти сразу же классическим текстом по военной стратегии, «Морские силы в истории» (1660–1783 гг.). Далее последовали с небольшим промежутком другие работы: «Влияние Морской Силы на Французскую Революцию и Империю» (1793–1812 гг.), «Заинтересованность Америки в Морской Силе в настоящем и будущем», «Проблема Азии и ее воздействие на международную политику» и «Морская Сила и ее отношение к войне».

Для Мэхэна главным инструментом политики является торговля. Военные действия должны лишь обеспечить наиболее благоприятные условия для создания планетарной торговой цивилизации. Мэхэн рассматривает экономический цикл в трех моментах:

1. Производство – обмен товаров и услуг через водные пути.
2. Навигация, которая реализует этот обмен.
3. Колонии, которые производят циркуляцию товарообмена на мировом уровне.

Мэхэн выделял условия, определяющие, по его мнению, основные параметры морской силы: географическое положение страны, «физическая конфигурация» государства, протяженность территории, статистическое количество населения, национальный характер и политический характер правления. Из этого пересечения видно, что Мэхэн строит свою геополитическую теорию исходя исключительно из «Морской силы» и ее интересов. Для Мэхэна образцом «Морской силы» был древний Карфаген, а ближе к нам исторически Англия XVII и XIX вв.

Идеи Мэхэна были восприняты во всем мире и повлияли на многих европейских стратегов. Даже сухопутная и континентальная Германия в лице адмирала Трипица приняла на свой счет тезисы Мэхэна и стала активно развивать свой флот.

Но предназначались они в первую очередь Америке и американцам. Мэхэн перенес на планетарный уровень принцип «анаконды», примененный американским генералом Маккленаном в североамериканской гражданской войне 1861–1865 гг. Этот принцип заключается в блокировании вражеских территорий с моря и по береговым линиям, что приводит постепенно к стратегическому истощению противника. Так как Мэхэн считал, что мощь государства определяется его потенциями становления «Морской силы», то в случае противостояния стратегической задачей номер один является недопущение этого становления в лагере противника. В книге «Заинтересованность Америки в "Морской силе"» Мэхэн утверждал, что для того, чтобы Америка стала мировой державой, она должна выполнить следующие условия:

1. Активно сотрудничать с британской морской державой.
2. Препятствовать германским морским претензиям.
3. Бдительно следить за экспансией Японии в тихом океане и противодействовать ей.
4. Координировать вместе с европейцами совместные действия против народов Азии.

Мэхэн видел судьбу США в том, чтобы не пассивно соучаствовать в общем контексте периферийных

государств «внешнего полумесяца», но в том, чтобы занять ведущую позицию в экономическом, стратегическом и даже идеологическом отношениях.

Эти идеи четко были видны в эпоху холодной войны, когда противостояние США и СССР достигло тех глобальных, планетарных пропорций, с которыми на теоретическом уровне геополитики оперировали уже начиная с конца XIX в.

2.5. «Поссибилизм» Видаль де ла Блаша

Поль Видаль де ла Блаш (1845–1918 гг.) – основатель французской школы «географии человека», занимающейся изучением воздействия географической среды на человека, в частности местных природных условий на историю данного района.

Будучи профессиональным географом, Видаль де ла Блаш был увлечен «политической географией» Ратцеля и строил свои теории, основываясь на этом источнике, хотя многие аспекты немецкой геополитической школы он жестко критиковал.

Эта критика чрезмерного возвеличивания пространственного фактора у Ратцеля привела Видаль де ла Блаша к выработке особой геополитической концепции – «поссибилизма» (от слова possible – возможный). Согласно этой концепции, политическая история имеет два аспекта: пространственный (географический) и временной (исторический). Географический фактор отражен в окружающей среде, исторический – в самом человеке («носителе инициативы»). Видаль де ла Блаш считал, что ошибка немецких «политических географов» в том, что они считают рельеф детерминирующим фактором политической истории государств. Тем самым, по мнению де ла Блаша, принижается фактор человеческой свободы и историчности. Сам же он предлагает рассматривать географическое пространственное положение как «потенциальность», «возможность», которая может актуализироваться и стать действительным политическим фактором, а может и не проявляться. Это во многом зависит от субъективного фактора – от человека, данное пространство населяющего.

«Поссибилизм» де ла Блаша был воспринят большинством геополитических школ как коррекция жесткого географического детерминизма предшествующих геополитических авторов.

Данные идеи были изложены Видаль де ла Блашем в книге «Картина географии Франции» (1903 г.).

Особое внимание Видаль де ла Блаш уделял Германии, которая была главным политическим соперником Франции в то время. Он считал, что Германия является единственным мощным европейским государством, геополитическая экспансия которого заведомо блокируется другими европейскими державами. Если Англия и Франция имеют свои обширные колонии в Африке и во всем мире, если США могут почти свободно двигаться к югу и северу, если у России есть Азия, то Германия сдавлена со всех сторон и не имеет выхода своих энергий. Де ла Блаш видел в этом главную угрозу миру, Европе и считал необходимым всячески ослабить развитие этого опасного соседа.

В 1917 г. Видаль де ла Блаш выпускает книгу «Восточная Франция», в которой он доказывает исконную принадлежность провинций Эльзас-Лотарингия к Франции и неправомочность германских притязаний на эти области. При этом он апеллирует к Французской революции, считая ее якобинское измерение выражением геополитических тенденций французского народа, стремящегося к унификации и централизации своего Государства через географическую интеграцию. Политический либерализм он также объясняет через привязанность людей к почве и естественное желание получить ее в частную собственность. Таким образом, Видаль де ла Блаш на свой лад связывает геополитические реальности с реальностями идеологическими: пространственная политика Западной Европы (Франция) неразрывно связана с демократией и либерализмом. Через такое управление легко сблизить геополитические взгляды де ла Блаша с Маккинделем и Мэхэном.

Важной особенностью концепции Видаль де ла Блаша является тезис о постепенном преодолении противоречий между морскими и континентальными государствами за счет формирования принципиально новых отношений между землей и морем: континентальные пространства становятся более проницаемыми, разветвленная сеть коммуникаций ориентирует их в сторону морских путей, море, в свою очередь, все больше становится зависимым от связей с континентальными зонами.

2.6. Rimland и Николас Спикмен

Американец голландского происхождения Николас Спикмен (1893–1943 гг.) является прямым продолжателем линии адмирала Мэхэна. Спикмен был профессором международных отношений, а позднее директором института международных отношений при Йельском университете. Для него, в отличие от первых геополитиков, сама география не представляла большого интереса, а еще меньше волновали его проблемы связи народа с почвой, влияние рельефа на национальный характер и т. д. Спикмен рассматривал геополитику как важнейший инструмент конкретной международной политики, как аналитический метод и систему формул, позволяющих выработать наиболее эффективную стратегию. В этом смысле он жестко критиковал немецкую геополитическую школу (особенно в книге «География мира»), считая представления о «справедливых или несправедливых границах метафизической чепухой».

В своих книгах «Американская стратегия в мировой политике» и «География мира» Спикмен выделяет 10 критериев, на основании которых следует определять геополитическое могущество государства (это развитие критериев, впервые предложенных Мэхэном):

- Поверхность территории.
- Природа границ.
- Объем населения.
- Наличие или отсутствие полезных ископаемых.
- Экономическое и технологическое развитие.
- Финансовая мощь.
- Этническая однородность.
- Уровень социальной интеграции.
- Политическая стабильность.
- Национальный дух.

Если суммарный результат оценки геополитических возможностей государства по этим критериям оказывается относительно невысоким, это почти автоматически означает, что данное государство вынуждено вступать в более общий стратегический союз, поступаясь частью своего суверенитета ради глобальной стратегической геополитической протекции.

Спикмен был преемником идей Мэхэна, известного тем, что во главу мирового контроля он ставил господство в океане, основываясь на фактах британского мирового господства в современную ему викторианскую эпоху. В плане моделирования Спикмен отталкивался от идей Маккиндера. Внимательно изучив труды последнего, он предложил свой вариант базовой геополитической схемы, несколько отличающейся от модели Маккиндера. Основной идеей Спикмена было то, что Маккиндер, якобы переоценил геополитическое значение Heartland. Эта переоценка затрагивала не только актуальное положение сил на карте мира (в частности, могущество СССР), но и изначальную историческую схему. Спикмен считал, что географическая история «внутреннего полумесяца», Rimland, «береговых зон», осуществлялась сама по себе, а не под давлением «кочевников Суши», как считал Маккиндер. С его точки зрения, Heartland является лишь потенциальным пространством, получающим все культурные импульсы из береговых зон и не несущим в самом себе никакой самостоятельной геополитической миссии или исторического импульса. Rimland, а не Heartland является, по его мнению, ключом к мировому господству.

В видении Спикмена евразийская земная масса и северные побережья Африки и Австралии образуют три концентрические зоны; которые функционируют в мировой политике в понятиях следующих геополитических реалий:

- Heartland северного Евразийского континента;
- окружающая его буферная зона и маргинальные моря;
- удаленные от центра Африканский и Австралийский континенты.

Внутренняя зона, вокруг которой группируется все остальное, – это центральное ядро евразийского Heartland. Вокруг этой сухопутной массы, начиная от Англии и кончая Японией, между северным континентом и двумя южными континентами, проходит Великий морской путь мира. Он начинается во внутренних и окраинных морях Западной Европы, в Балтийском и Северном морях, проходит через европейское Средиземноморье и Красное море, пересекает Индийский океан, проходит через азиатское Средиземноморье, к прибрежным морям Дальнего Востока, Восточно-Китайскому и Японскому и заканчивается, наконец, в Охотском море. Между центром евразийской континентальной массы и этим морским путем лежит большая концентрическая буферная зона. Она включает Западную и Центральную Европу, плоскогорные страны Ближнего Востока, Турцию, Иран и Афганистан, затем Тибет, Китай, Восточную Сибирь и три полуострова – Аравийский, Индостан и Индо-Китайский.

Спикмен выделял три крупных центра мировой мощи:

- атлантическое побережье Северной Америки;
- европейское побережье;
- Дальний Восток Евразии.

Он допускал также возможность четвертого центра в Индии. Из всех трех евразийских регионов Спикмен считал особо значимым для США европейское побережье, поскольку Америка возникла в качестве трансатлантической проекции европейской цивилизации. К тому же наиболее важные регионы США были, естественно, ориентированы в направлении Атлантики. Следует отметить, что при всех различиях в позициях большинство американских исследователей придерживались того мнения, что после Второй мировой войны США не останется ничего иного, кроме как вступить в тесный союз с Великобританией. Как считал Спикмен, победа Германии и Японии привела бы к установлению их совместного контроля над тремя главными центрами силы в Европе. В таком случае Америка оказалась бы в весьма уязвимом положении, поскольку при всей мощи она не была бы в состоянии сопротивляться объединенной мощи остальных держав. Именно поэтому, утверждал Спикмен, США следует вступить в союз с Великобританией.

По отношению и к Heartland и Rimland США, по Спикмену, занимают выгодное центральное положение: Атлантическим и Тихоокеанским побережьями они обращены к обеим сторонам евразийского Rim-

land, а через Северный полюс – к Heartland. Спикмен считал, что США должны сохранять трансатлантические и транстихоокеанские базы на ударной дистанции от Европы, чтобы контролировать баланс сил вдоль всего Rimland.

Поскольку книга была написана в годы войны, Спикмен считал, что его рекомендации должны быть осуществлены в партнерстве с Советским Союзом и Англией – союзниками США. Однако с той поры многое изменилось, и, прежде всего (главным образом), изменилась глобальная геополитическая ситуация, и в ней роль Соединенных Штатов Америки стала иной.

Помимо переоценки значения Rimland, Спикмен внес еще одно важное дополнение в геополитическую картину мира, видимую с позиции «Морской силы». Он ввел чрезвычайно важное понятие «Среднего океана» – Midland Ocean. В основе этого геополитического представления лежит подчеркнутая аналогия между Средиземным морем в истории Европы, Ближнего Востока и Северной Африки в древности, и Атлантическим океаном в новейшей истории западной цивилизации. Так как Спикмен считал именно «береговую зону» основной исторической территорией цивилизации, то Средиземноморский ареал древности представлялся ему образцом культуры, распространившейся впоследствии внутрь континента (окультуривание варваров Суши) и на отдаленные территории, достижимые только с помощью морских путей (окультуривание варваров Моря). Подобно этой средиземноморской модели, в новейшее время в увеличенном планетарном масштабе то же самое происходит с Атлантическим океаном, оба берега которого (американский и европейский) являются ареалом наиболее развитой в технологическом и экономическом смыслах западной цивилизации.

«Средний океан» становится в такой перспективе не разъединяющим, а объединяющим фактором, «внутренним морем». Таким образом, Спикменом намечается особая геополитическая реальность, которую можно назвать условно «атлантическим континентом», в центре которого, как озеро в сухопутном регионе, располагается Атлантический океан. Этот теоретический «континент», «новая Атлантида» связан общностью культуры западноевропейского происхождения, идеологией либерал-капитализма и демократии, единством политической, этнической и технологической судьбы.

Особенно Спикмен настаивал на роли интеллектуального фактора в этом «атлантическом континенте». Западная Европа и пояс Восточного побережья Северной Америки (особенно Нью-Йорк) становятся мозгом нового «атлантического сообщества». Нервным центром и силовым механизмом являются США и их торговый и военно-промышленный комплекс. Европа оказывается промышленным придатком США, чьи геополитические интересы и стратегическая линия становятся единственными и главенствующими для всех держав Запада. Постепенно должна сокращаться и политическая суверенность европейских государств, а власть переходить к особой инстанции, объединяющей представителей всех «атлантических пространств» и подчиненных приоритетному главенству США.

Спикмен предвосхитил важнейшие политические процессы – создание «Северо-Атлантического Союза» (НАТО), уменьшение суверенности европейских держав в послевоенном мире, планетарную гегемонию США и т. д.

2.7. «Континентальный блок» Карла Хаусхофера

Карлу Хаусхоферу (1869–1946 гг.) геополитика во многом обязана тем, что она долгое время рассматривалась не просто как «псевдонаука», но и как «человеконенавистническая», «фашистская», «людоедская» теория Ратцеля и Челлена. Хаусхофер придал геополитике тот вид, в котором она стала частью официальной доктрины «Третьего рейха».

Карл Хаусхофер родился в Мюнхене в профессорской семье. Он решил стать профессиональным военным и прослужил в армии офицером более 20 лет. В 1908–1910 гг. он служил в Японии и Манчжурии в качестве германского военного атташе. Здесь он познакомился с семьей японского императора и с высшей аристократией.

Слабое здоровье заставило Хаусхофера оставить довольно успешную военную карьеру, и он в 1911 г. вернулся в Германию. Он занялся наукой, получив в Мюнхенском университете звание доктора. С этого времени Хаусхофер регулярно публикует книги, посвященные геополитике в целом, и в частности, геополитике тихоокеанского региона. Первой была книга «Дай Нихон. Наблюдения о вооруженной силе Японии. Положение в мире и будущее». В ней Хаусхофер показывает историю становления и географического расположения государств Дальнего Востока, прежде всего Японии, на примере которой он пытается продемонстрировать взаимосвязь между пространственным ростом государства и развитием составляющей его этнической общности. Среди его работ по данной проблематике необходимо упомянуть следующие: «Японская империя в ее географическом развитии», «Геополитика Тихого океана», «Геополитика пан-идей», «Мировая политика сегодня».

Через своего ученика Рудольфа Гесса Хаусхофер знакомится с Гитлером сразу после заключения того в тюрьму вследствие неудачного путча. Есть неподтвержденное историками мнение, что Хаусхофер принимал участие в написании «Майн Кампф» в местах, посвященных некоторым геополитическим категориям. Но концептуальный анализ показывает существенную разницу между геополитическими воззрениями Хаусхофера и упрощенными расистскими пропагандистскими пассажами Гитлера.

В течение 20 лет, начиная с 1924 г., Хаусхофер издавал важнейший геополитический журнал «Геополитик», имевший огромное международное значение, позднее переименованный в «Журнал геополити-

ки».

Большинство своих работ он опубликовал именно в этом издании. Отношения Хаусхофера с нацизмом были сложными. В некоторых вопросах его взгляды сближались с взглядами национал-социалистов, в некоторых – радикально расходились. В зависимости от периодов нацистского правления и от личных отношений менялась и позиция Хаусхофера в «Третьем рейхе».

До 1936 г. к нему благоволили (особенно сказывалась протекция его младшего друга Гесса), позже началось «охлаждение». После полета Гесса в Англию Хаусхофер впал в немилость, а после казни его сына Альбрехта по обвинению в участии в покушении на Гитлера в 1944 г. сам Хаусхофер считался почти «врагом народа».

Несмотря на двусмысленность его положения, он был причислен союзниками к «Видным нацистам». Не выдержав стольких ударов судьбы и крушения всех надежд, Карл Хаусхофер вместе со своей женой Мартой совершили самоубийство в 1946 г.

Хаусхофер внимательно изучил работы Ратцеля, Челлена, Макиндера, Видаль де ла Блаша, Мэхэна и других геополитиков. Картина планетарного дуализма – «Морские силы» против «континентальных сил» или талассократия («власть посредством моря») против теллутократии («власть посредством суши») – явилась для него тем ключом, который открывал все тайны международной политики, к которой он был причастен самым прямым образом. Показательно, что термин «Новый Порядок», который активно использовали нацисты, а в наше время в форме «Новый Мировой Порядок» американцы, впервые был употреблен в Японии применительно к той геополитической схеме перераспределения влияний в тихоокеанском регионе, которую предлагали провести в жизнь японские геополитики.

Планетарный дуализм «Морской силы» и «Сухопутной силы» ставил Германию перед проблемой геополитической самоидентификации. Сторонники национальной идеи, а Хаусхофер принадлежал, без сомнения, к их числу, стремились к усилению политической мощи немецкого государства, что подразумевало индустриальное развитие, культурный подъем и геополитическую экспансию. Но само положение Германии в центре Европы, пространственное и культурное *Mittellage*, делало ее естественным противником западных, морских держав – Англии, Франции, в перспективе США. Сами «талассократические» геополитики также не скрывали своего отрицательного отношения к Германии и считали ее (наряду с Россией) одним из главных геополитических противников морского Запада.

В такой ситуации Германии было нелегко рассчитывать на крепкий альянс с державами «внешнего полумесяца», тем более что у Англии и Франции были к Германии исторические претензии территориального порядка. Следовательно, будущее национальной Великой Германии лежало в геополитическом противостоянии Западу и особенно англосаксонскому миру, с которым фактически отождествлялась «Морская сила».

На этом анализе основывается вся геополитическая доктрина Хаусхофера и его последователей. Эта доктрина заключается в необходимости создания «континентального блока» или оси Берлин – Москва – Токио. В таком блоке не было ничего случайного – это был единственный полноценный и адекватный ответ на стратегию противоположного лагеря, который не скрывал, что самой большой опасностью для него было бы создание аналогичного евразийского альянса. Хаусхофер цитировал в статье «Континентальный блок» американца Гомера Ли: «Последний час англосаксонской политики пробьет тогда, когда немцы, русские и японцы соединятся».

Эту мысль на разные лады Хаусхофер проводил в своих статьях и книгах. Эта линия получила название «ориентация на Восток», поскольку предполагала самоидентификацию Германии, ее народа и ее культуры как западного продолжения евразийской, азиатской традиции. Не случайно англичане в период Второй мировой войны уничижительно называли немцев гуннами. Для геополитиков хаусховеровской школы это было вполне приемлемым.

В связи с этим следует подчеркнуть, что концепция «открытости Востоку» у Хаусхофера совсем не означала оккупацию славянских земель. Речь шла о совместном цивилизационном усилии двух континентальных держав (России и Германии), которые должны были установить «Новый евразийский Порядок» и переструктурировать континентальное пространство мирового острова с тем, чтобы полностью вывести его из-под влияния «Морской силы». Расширение немецкого влияния планировалось Хаусхофером не за счет колонизации русских земель, а за счет освоения гигантских незаселенных азиатских пространств и реорганизации земель Восточной Европы.

Однако на практике все выглядело не так однозначно. Чисто научная геополитическая логика Хаусхофера, приводившая к необходимости «континентального блока» с Москвой, сталкивалась с многочисленными тенденциями иного свойства, также присущими немецкому национальному самосознанию. Речь шла о сугубо расистском подходе к истории, которым был заражен сам Гитлер. Этот подход считал самым важным фактором расовую близость, а не географическую или геополитическую специфику. Англосаксонские народы (Англия, США) виделись в таком случае естественными союзниками немцев, так как были наиболее им близки этнически. Славяне же и, особенно небелые евразийские народы, превращались в расовых противников. К этому добавлялся идеологический антикоммунизм, замешанный во многом на том же расовом принципе – Маркс и многие коммунисты были евреями, а значит, в глазах антисемитов, коммунизм сам по себе есть антигерманская идеология.

Национал-социалистический расизм входил в прямое противоречие с геополитикой или, точнее, неявно подталкивал немцев к обратной, антиевразийской, талассократической стратегии. С точки зрения последовательного расизма Германии следовало бы изначально заключить союз с Англией и США, чтобы совместными усилиями противостоять СССР. Но, с другой стороны, унижительный опыт Версаля был еще слишком свеж. Из этой двойственности вытекает вся двусмысленность международной политики «Третьего рейха». Эта политика постоянно балансировала между талассократической линией, внешне оправданной расизмом и антикоммунизмом (антиславянский настрой, нападение на СССР, поощрение католической Хорватии на Балканах и т. д.), и евразийской теллуократией, основанной на чисто геополитических принципах (война с Англией и Францией, пакт Риббентроп-Молотов и т. д.).

Поскольку Карл Хаусхофер был ангажирован, в некоторой степени, в решение конкретных политических проблем, он был вынужден подстраивать свои теории под политическую конкнетику. Отсюда его контакты в высших сферах Англии. Кроме того, заключение пакта «Антикоминтерновского пакта» (1936 г.), т. е. создание оси Берлин – Рим – Токио, Хаусхофер внешне приветствовал, сиюсь представить его предварительным шагом на пути к созданию полноценного «евразийского блока». Он не мог не понимать, что антикоммунистическая направленность этого союза и проявление вместо центра Heartland (Москвы) полуостровной второстепенной державы, принадлежащей Rimland, есть противоречивая карикатура на подлинный «континентальный блок».

Но все же такие шаги, продиктованные политическими конформизмом, не являются показательными для всей совокупности геополитики Хаусхофера. Его имя и идея полноценней всего воплотились именно в концепциях «восточной судьбы» Германии, основанной на крепком и долговременном евразийском союзе.

2.8. Консервативный революционер

Немец Карл Шмитт (1888–1985 гг.) известен как выдающийся юрист, политолог, философ, историк. Все его идеи неразрывно связаны с геополитическими концепциями, и основные его работы («Номос Земли», «Земля и море» и другие) посвящены именно осмыслению геополитических факторов и их влиянию на цивилизацию и политическую историю.

Карл Шмитт был близок к немецким представителям Консервативной революции, Парадоксальному течению, которое совмещало в себе национально-консервативные и социально-революционные элементы. Судьба Шмитта – это судьба его книг, его юридически философской школы. Как и у многих других консервативных революционеров, его отношения с национал-социалистическим режимом были двойственными. С одной стороны, его теории, безусловно, повлияли на нацистскую идеологию. Особенным успехом пользовались его политические книги «Политическая теология» и «Понятие политического», в которых Шмитт дал развернутую критику либерального права и идеи «правового государства». В этих текстах даны очертания всего последующего интеллектуального творчества Шмитта – в них заметен предельный политический реализм, стремление освободить политологические проблемы от гуманитарной риторики, сентиментального пафоса, социальной демагогии. Это вполне соответствовало национал-социалистическому духу.

Вместе с тем вся концепция Шмитта была основана на фундаментальной идее «прав народов», которые он противопоставлял либеральной теории «прав человека». В его понимании всякий народ имел право на культурную суверенность, на сохранение своей духовной, исторической и политической идентичности. Такой же подход был характерен для некоторых национал-социалистов, считающих эту идеологию универсальной и применимой для всех народов земли. Но доминирующей линией режима стал именно пангерманизм, основанный на шовинизме и узконационалистическом подходе. Поэтому, Шмитт, с его теорией «прав народов», подвергался резкой критике, особенно со стороны идеологов СС (Schutzstaffeln). В 1936 г. в органе СС – *Schwarze Korps* была опубликована агрессивно угрожающая статья в его адрес.

На Нюрнбергском процессе была сделана попытка причислить Карла Шмитта к «военным преступникам» на основании его сотрудничества с режимом Гитлера. В частности, ему инкриминировалось «теоретическое обоснование легитимности военной агрессии». После знакомства судей с сутью дела обвинение сняли. Но, тем не менее, К. Шмитт стал изгоем в мировом научном сообществе, и его труды просто игнорировались. Только в 70-е гг. XX в., благодаря влиянию на юридическую мысль некоторых мыслителей левого толка, труды К. Шмитта стали постепенно реабилитироваться.

Идейное формирование Шмитта происходило в той же атмосфере идей «органицистской социологии», что и у Ратцеля и Челлена, но на него повлияли также романтические теории «Света Севера», согласно которым социально-политические формы и государственные образования коренятся не в механическом функционировании атомарных личностей, соединенных в математические конгломераты, но в мифологии, в сакральном мире «стихий и духов». В теориях Шмитта повсюду существует парадоксальное сочетание *политического романтизма и строгого рационализма*. Отточенный ментальный аппарат служит выражению духовных мифологий.

Высказываясь в духе геополитического подхода, Шмитт утверждал изначальную связь политической культуры с пространством. Не только государство, но вся социальная реальность и особенно право происходят от их качественной организации пространства.

Отсюда Шмитт вывел концепцию «номоса». Греческий термин «номос» обозначает «нечто взятое,

оформленное, упорядоченное, организованное» в смысле пространства. Этот термин близок к понятиям «рельеф» у Ратцеля и «месторазвитие» у русских евразийцев. Шмитт показывает, что «номос» есть форма организации бытия, которая устанавливает наиболее гармоничные соотношения как внутри социального ансамбля, так и между этими ансамблями. «Номос» – выражение особого синтетического сочетания субъективных и объективных факторов, органически проявляющихся в создании политической и юридической систем. В «номосе» проявляются природные и культурные особенности человеческого коллектива в сочетании с окружающей средой.

В книге «Номос Земли» Шмитт показывает, каким образом специфика того или иного земного пространства влияла на развивающиеся в нем культуры и государства. Он сопоставляет между собой различные исторические «номосы», особенно подчеркивая фундаментальный дуализм между отношением к пространству кочевников и оседлых народов.

Но самый важный вывод из анализа «номоса Земли» заключается в том, что Шмитт вплотную подошел к понятию глобального исторического и цивилизованного противостояния между цивилизациями суши и цивилизациями моря. Исследуя «номос Земли», он столкнулся с его качественной, сущностной противоположностью «номосу» моря. Это привело его к созданию особой геополитической методологии для осмысления политической истории мира: «суша – море». С помощью этой пары противоположностей Шмитт надеялся внушить необходимость перейти от «планетарного мышления категориями силы» к «мышлению законами организации пространства».

В 1942 г. Шмитт выпустил труд «Земля и Море», который вместе с более поздним текстом «Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Суши и Моря» составляет важнейший документ геополитической науки.

Смысл противопоставления Суши и Моря у Шмитта сводится к тому, что речь идет о двух совершенно различных, несводимых друг к другу и враждебных цивилизаций, а не вариантах единого цивилизационного комплекса. Это деление почти точно совпадает с картиной, нарисованной Макиндером, но Шмитт дает основным ее элементам – талассократии (Морская сила) и теллуократии (Сухопутная сила) – углубленное философское толкование, связанное с базовыми юридическими и этическими системами. Любопытно, что Шмитт использует применительно к «Силам Суши» имя «Бегемот», а к «Силам Моря» – «Левифан», как напоминание о двух ветхозаветных чудовищах, одно из которых воплощает в себе всех сухопутных тварей, а другое – всех водных, морских.

«Номос Земли» существует безальтернативно на протяжении большей части человеческой истории. Все разновидности этого «номоса» характеризуются наличием строгой и устойчивой законодательной (и этической) формы, в которой отражается неподвижность и фиксированность Суши, Земли. Эта связь с Землей, пространство которой легко поддается структуризации (фиксированность границ, постоянство коммуникационных путей, неизменность географических и рельефных особенностей), порождает сущностный консерватизм в социальной, культурной и технической сферах. Совокупность версий «номоса Земли» составляет то, что принято называть историей «традиционного общества».

В такой ситуации Море, Вода являются лишь периферийными цивилизационными явлениями, не вторгаясь в сферу «этического» (или вторгаясь эпизодически). Лишь с открытием мирового Океана в конце XVI в. ситуация меняется радикальным образом. Человечество (и в первую очередь, остров Англия) начинает привыкать к «морскому существованию», начинает осознавать себя островом посреди вод – Кораллом.

Но водное пространство резко отлично от сухопутного. Оно непосредственно, враждебно, отчуждено, подвержено постоянному изменению. Пути в нем нефиксированы, различия ориентации неочевидны. «Номос» моря влечет за собой глобальную трансформацию сознания. Социальные, юридические и этические нормы становятся «текущими». Рождается новая цивилизация. Шмитт считает, что Новое время и технический рывок, открывший эру индустриализации, обязаны своим существованием геополитическому феномену – переходу человечества к «номосу» моря.

Так, геополитическое противостояние англосаксонского мира «внешнего полумесяца» приобретает у Шмитта социально-политическую дефиницию. «Номос» моря есть реальность, враждебная традиционному обществу. Геополитическое противостояние сухопутных держав морским обретает важнейший исторический, идеологический и философский смысл.

Шмитт разработал еще одну важнейшую геополитическую теорию – теорию «большого пространства». Эта концепция рассматривает процесс развития государства как стремление к обретению наибольшего территориального объема. Принцип имперской интеграции является выражением логического и естественного человеческого стремления к синтезу. Этапы территориального расширения государства, таким образом, соответствуют этапам движения человеческого духа к универсализму.

Этот геополитический закон распространяется и на техническую, и на экономическую сферы. Шмитт показывает, что с некоторого момента техническое и экономическое развитие государства требует количественного и качественного увеличения его территорий. При этом не обязательно речь идет о колонизации, аннексии, военном вторжении. Становление «большого пространства» может проходить и по иным законам – на основании принятия несколькими государствами или народами единой религиозной или культурной формы.

По Шмитту, развитие «номоса Земли» должно привести к появлению государства-континента. Этапы движения к государству-континенту проходят от городов-государств через государства-территории. Появ-

ление сухопутного государства-континента, материкового «большого пространства» является исторической и геополитической необходимостью.

В отличие от унификационной пангерманистской модели Гитлера и от советского интернационализма «большое пространство» Шмитта основывается на культурном и этническом плюрализме, на широкой автономии, ограниченной лишь стратегическим централизмом и тотальной лояльностью к высшей властной инстанции. При этом Шмитт подчеркивал, что создание нового «Большого пространства» не зависит ни от научной ценности самой доктрины, ни от культурной компетентности, ни от экономического развития составляющих частей или даже территориального и этнического центра, давшего импульс к интеграции. Все зависит только от политической воли, распознающей историческую необходимость такого геополитического шага.

Шмитт в данной доктрине предвосхитил основные линии современной интеграционной политики.

Практически во всех темах, которые рассматривает Шмитт, геополитические мотивы различимы. Например, он исследовал связь трех концепций – «тотальный враг, тотальная война, тотальное государство». С его точки зрения, «тотальное государство» – это самая совершенная форма государства традиционного типа, т. е. пик развития сухопутного «номоса». «Тотальное государство» исключает принцип «тотального врага» и «тотальной войны», так как представление о противнике, «враге» (а Шмитт придавал огромное значение формулировке понятий «друг» (*amicus*), «враг» (*hostis*)) оно выстраивает на основании себя самого, а, следовательно, выдвигает концепцию «войны форм», в которой действует *Jus dellum*, и участвуют только ограниченные контингенты профессиональных военных. Мирное население и частная собственность, в свою очередь, находятся под охраной закона и устранены (по меньшей мере, теоретически) из хода военных действий.

Либеральная доктрина, которую Шмитт однозначно связывал с Новым временем и, соответственно, с «морской цивилизацией», с «номосом» моря, отрицая «тотальное государство», открывает тем самым дорогу «тотальной войне» и концепции «тотального врага». В статье «Государственный суверенитет и открытое море» общая геополитическая картина, описанная Шмиттом, сводилась к напряженному цивилизационному дуализму, к противостоянию двух «Больших пространств»: англосаксонского (Англия – Америка) и континентального, европейско-евразийского. Эти два «Больших пространства» (талассократическое и теллутократическое) ведут между собой планетарное сражение за то, чтобы сделать последний шаг к универсализации и перейти от континентального владычества к мировому. При этом Шмитт с пессимизмом относился к возможности свести этот конфликт к какой-то строгой юридической базе, так как цивилизационные макроконцепции обоих «Больших пространств» основываются на взаимоисключающих «номосах» – «номосе Земли» и «номосе Моря». Последний разрушительный элемент вносится развитием воздухоплавания, так как «воздушное пространство» еще менее поддается этикоправовой структурализации, нежели морское.

В конце жизни Шмитт сосредоточил свое внимание на фигуре «партизана». Эта фигура, по Шмитту, является последним представителем «номоса Земли», остающимся верным своему изначальному призванию вопреки «разжижению цивилизации» и растворению ее юридически культурных основ. «Партизан» связан с родной землей неформальными узами, и исторический характер этой связи диктует ему основы этики войны, резко отличающиеся от более общих и абстрактных нормативов. По мере универсализации «морской модели» и «торговой этики», которые, естественно, охватывают и сферу военных действий, фигура «партизана» приобретает, по Шмитту, все большее цивилизационное значение, так как «партизан» остается последним действующим лицом истории, которое защищает (всеми средствами) «сухопутный порядок» перед лицом тотального наступления талассократии. Отсюда вытекает его почти «социологическая» историческая функция.

2.9. Евразийство

В 1921 г. возникло евразийское движение, где геополитические факторы играли центральную роль. Возглавил это движение вместе с князем Н. С. Трубецким Петр Николаевич Савицкий (1895–1968 гг.). П. Н. Савицкий – первый (и единственный) русский автор, которого, в полном смысле слова, можно назвать геополитиком.

Взгляды Савицкого, как и большинства других евразийцев, складывались под влиянием трудов славянофилов, представителями которых были Данилевский и особенно Леонтьев. Эта разновидность революционного славянофильства, сопряженного с центральной идеей особенности исторической идентичности великороссов, не сводимой ни к религиозной, ни к этнически славянской сущности. Это было близко к Константину Леонтьеву, сформулировавшему важнейший тезис, – «славянство есть, славизма нет», т. е. «этническая и лингвистическая близость славянских народов не является достаточным основанием, чтобы говорить об их культурном и характерном единстве».

Основная идея Савицкого заключалась в том, что Россия представляет собой особое цивилизационное образование, определяемое через качество «срединности». Одна из его статей – «Географические и геополитические основы евразийства» (1933 г.) – начинается такими словами: «Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться «Срединным государством».

Если «срединность» Германии ограничивается европейским контекстом, а сама Европа есть лишь «за-

падный мыс» Евразии, то Россия занимает центральную позицию в рамках всего континента. «Срединность» России является основой ее исторической идентичности – она не часть Европы и не продолжение Азии. Она – самостоятельный мир, самостоятельная и особая духовно-историческая геополитическая реальность, которую Савицкий называет Евразией.

Понятие «Евразия» обозначает не материк и не континент, но идею, отраженную в русском пространстве и русской культуре, историческую парадигму, особую цивилизацию. Савицкий с русского полюса выдвигает концепцию, строго тождественную геополитической картине Маккиндера, – только абстрактные «разбойники суши» или «центростремительные импульсы, исходящие из географической оси истории», приобретают у него четко выделенный абрис русской культуры, русской истории, русской государственности, русской территории.

Россию Савицкий понимает геополитически, не как национальное государство, но как особый тип цивилизации, сложившейся на основе нескольких составляющих: арийско-славянской культуры, тюркского кочевничества и православной традиции. Все вместе создает некое уникальное, «срединное» образование, представляющее собой синтез мировой истории.

Великороссов Савицкий считает не просто ответвлением восточных славян, но особым имперским этническим образованием, в котором сочетаются славянский и тюркский субстраты. Этот момент выводит его на важную тему – тему Турана. Обращение к Турану в качестве позитивной ориентации было скандальным для многих русских националистов. Так, Савицкий косвенно оправдывал монголо-татарское иго, благодаря которому «Россия обрела свою геополитическую самостоятельность и сохранила свою духовную независимость от агрессивного романо-германского мира». Такое отношение к тюркскому миру было призвано резко отделить Россию-Евразию от Европы и ее судьбы, обосновать этническую уникальность русских.

Фундаментальную двойственность русского ландшафта (ее деление на Лес и Степь) заметили еще славянофилы. У Савицкого геополитический смысл России-Евразии выступает как синтез этих двух реальностей – европейского Леса и азиатской Степи. При этом такой синтез не есть простое наложение двух геополитических систем друг на друга, но нечто цельное, оригинальное, обладающее своей собственной мерой и методологией оценок.

Россия-Евразия не сводится целиком к Турану. Она – нечто большее. Но в отношении Европы, которая все выходящее за рамки своего «берегового» сознания считает варварством, самоквалификация русских как «носителей монгольского духа» является провокацией, открывающей историческое и духовное превосходство евразийцев.

В теории Савицкого важнейшую роль играет концепция «месторазвития». Этот термин представляет собой точный аналог понятию Raum, как оно трактуется «политической географией» Ратцеля и немецкой геополитикой в целом. В этом понятии отражается «организм» евразийцев, точно соответствующий немецкой «органицистской» школе и резко контрастирующий с прагматизмом англосаксонских геополитиков. Так, Савицкий в тексте «Географический обзор России-Евразии» пишет: «Социально-политическая среда и ее территория должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт. Это и есть сущность "месторазвития", в котором объективное и субъективное сливаются в неразрывное единство, в нечто целое».

Через введение понятия «месторазвитие» евразийцы уходили от позитивистской необходимости аналитического расщеплять исторические феномены, раскладывая их на механические системы – применительно не только к природным, но и к культурным явлениям. Апелляция к «месторазвитию», к «географическому индивидууму» позволяла евразийцам избежать слишком конкретных рецептов относительно национальных, расовых, религиозных, культурных, языковых, идеологических проблем. Интуитивно ощущаемое всеми жителями «географической оси истории» геополитическое единство обретало тем самым новый язык, «синтетический», не сводимый к неадекватным, фрагментарным, аналитическим концепциям западного рационализма.

В этом также проявилась преемственность Савицкого русской интеллектуальной традиции, всегда тяготевшей к осмыслению «цельности», «соборности», «всеединства» и т. д.

Очень важным аспектом теории Савицкого является принцип идеократии. Савицкий полагал, что евразийское государство должно строиться, отправляясь от изначального духовного импульса, сверху вниз. А, следовательно, вся его структура должна созидать в согласии с априорной Идеей, и во главе этой структуры должен стоять особый класс «духовных вождей».

Идеократия предполагала главенство непрагматического, нематериального и некоммерческого подхода к государственному устройству. Достоинство «географической личности», по Савицкому, состоит в том, чтобы иметь способность подниматься над материальной необходимостью, органически включая физический мир в единый духовно-созидательный импульс глобального исторического делания.

Идеократия – термин, который объединяет все формы недемократического, нелиберального правления, основанного на нематериалистических и неутилитаристских мотивациях. Причем Савицкий сознательно избегает уточнения этого понятия, которое может воплощаться и в теократической соборности, и в народной монархии, и в национальной диктатуре, и в партийном государстве советского типа. Данная широта термина соответствует чисто геополитическим горизонтам евразийства, которые охватывают огромные исторические и географические объемы.

Таким образом, русские евразийцы довели до окончательной ясности идеологические термины, в кото-

рых проявлялось исторически противостояние Моря и Суши. Море – либеральная демократия, «торговый строй», прагматизм. Суша – идеократия (всех разновидностей), «иерархическое правление», доминанция религиозного идеала.

Роль Петра Савицкого и русского евразийства в развитии геополитики как науки огромна. Савицкий являлся совершенно сознательным, ответственным и компетентным геополитиком, который полноценно и обоснованно выражает позицию Heartland, причем отталкиваясь от наиболее глубинных, русских, его областей. Геополитическая доктрина Савицкого – это прямая антитеза взглядам Мэхэна, Маккиндера, Спикмена, Видаль де ля Блаша и других талассократов. Причем только в данном случае речь идет о законченном и развернутом изложении альтернативной доктрины, подробно разбирающей идеологические, экономические, культурные и этнические факторы.

Советская реальность в геополитическом смысле во многом совпадала с концепциями Савицкого и других евразийцев, хотя об их прямом влиянии на советское руководство достоверных данных нет. Во многом близкие к евразийцам сменовеховцы и национал-большевики (особенно Н. Устрялов) явно влияли на большевиков и, особенно, на Сталина, хотя никогда не занимали высоких постов и часто оканчивали свою жизнь в лагерях. Часть евразийцев (Эфрон, Карсавин и другие) открыто сотрудничали с СССР, но также благодарности не получили. Однако анализ советской внешней политики – вплоть до начала перестройки, приводит к выводу, что она постоянно следовала евразийскому курсу, никогда не заявляя об этом открыто.

3. СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И ШКОЛЫ

Под воздействием комплекса причин в некоторых странах Европы (например, Франции) стало формироваться общественное мнение за создание единой Европы. Поэтому наибольшее развитие геополитическая мысль получила в Европе. Особенно когда президентом Франции был «континенталист» генерал Шарль де Голль. Начиная с 1963 г., он предпринял некоторые явно антиатлантические меры, в результате которых Франция вышла из военной организации Северо-Атлантического союза и сделала попытки выработать собственную геополитическую стратегию. Но так как в одиночку это государство не могло противостоять талассократическому миру, на повестке дня встал вопрос о внутриевропейском франко-германском сотрудничестве и об укреплении связей с СССР. Отсюда родился знаменитый голлистский тезис – «Европа от Атлантики до Урала».

Вместе с тем к началу 70-х гг. XX в., когда геополитические исследования в США становятся крайне популярными, европейские ученые также начинают включаться в этот процесс, но при этом их связь с довоенной геополитической школой в большинстве случаев уже прервана и они вынуждены подстраиваться под нормы англосаксонского подхода. Так, европейские ученые ООН и другие, занимались прикладными геополитическими исследованиями и не выходили за пределы узких конкретных вопросов. Постепенно эти исследования превратились в нечто самостоятельное – в региональную геополитику, довольно развитую во Франции («школа Ива Лакоста», издателя журнала «Геродот»). Эта «региональная геополитика» абстрагируется от глобальных схем Маккиндера, Мэхэна или Хаусхофера, мало внимания уделяет основополагающему дуализму, и лишь применяет геополитические методики для описания межэтнических и межгосударственных конфликтов, демографических процессов и даже «геополитики политических выборов».

Что касается русской геополитики, то она фактически всегда существовала в СССР несмотря на отстранение географов от ее разработки. Достаточно упомянуть так называемую доктрину Брежнева, в соответствии с которой Советский Союз не мог допустить формирования в соседних странах прозападных режимов, что повлекло вторжение в Чехословакию и Афганистан.

Официально признанная «фашистской» и «буржуазной псевдонаукой» институционально геополитика в СССР не существовала. Ее функции выполняло несколько дисциплин – стратегия, военная география, теория международного права и международных отношений, география, этнография и т. д. И вместе с тем, общее геополитическое поведение СССР на планетарной арене предусматривало наличие довольно рациональной, с геополитической точки зрения, модели поведения.

Стремление Советского Союза укрепить свои позиции на юге Евразии, в «береговой зоне», проникновение в Африку, дестабилизирующие действия в Южной Америке (призванные внести раскол в пространство, контролируемое США по доктрине Монро) и даже вторжение советских войск в Афганистан (для того, чтобы рассеять американскую «анаконду», стремившуюся приблизить стратегические границы талассократии вплотную к южным границам «географической оси истории») и т. д. Такая последовательная и геополитически обоснованная политика СССР указывает на существование какого-то центра решений, где должны были сводиться воедино результаты многих традиционных наук и на основании этого «сведения», синтеза приниматься важнейшие стратегические шаги. Однако социальная локализация этого «криптополитического» центра представляется проблематичной. А. Г. Дугин излагает версию, что речь шла о каком-то секретном отделе советского Главного разведывательного управления (ГРУ).

Собственно же геополитика развивалась исключительно маргинальными «диссидентскими» кружками. Самым ярким представителем этого направления был историк Лев Гумилев, хотя он никогда не использо-

вал в своих работах ни термина «геополитика», ни термина «евразийство», и более того, стремился всячески избежать прямого обращения к социально-политическим реальностям. Благодаря такому «осторожному» подходу ему удалось опубликовать даже при советском режиме несколько книг, посвященных этнографической истории.

После распада Варшавского договора и СССР геополитика стала в российском обществе снова актуальной. Отмена идеологической цензуры сделала возможной, наконец, называть вещи своими именами. Не удивительно, что первыми в возрождении геополитики приняли участие национально-патриотические круги (газета «День», журнал «Элементы»). Методология оказалась настолько впечатляющей, что инициативу перехватили и некоторые «демократические» движения. В скором времени после перестройки геополитика стала одной из популярнейших тем всего русского общества.

3.1. Атлантизм

Атлантистская линия в геополитике развивалась практически без всяких разрывов с классической англо-американской традицией (Мэхэн, Маккиндер, Спикмен). По мере становления США «мировой державой» послевоенные геополитики-атлантисты лишь уточняют и детализируют частные аспекты теории, развивая прикладные сферы. Основополагающая модель «Морской силы» и ее геополитических перспектив превращается из научных разработок отдельных военно-географических школ в официальную международную политику США.

Составной частью американской геополитической доктрины становится учение о всеобщности американских стратегических интересов и о «необходимости» для Соединенных Штатов баз, расположенных на достаточно далеком расстоянии от американских морских и сухопутных границ. Специфической чертой американской геополитики стало главным образом не оправдание тех или иных отдельных захватов США, не только борьба за передел мира, но и борьба за мировое господство Америки. Американские геополитики утверждают, что география стала «глобальной», т. е. охватывающей весь земной шар.

В 1956 г. ученик Спикмена Д. Мейниг опубликовал текст «Heartland и Rimland в евразийской истории». Здесь Мейниг специально подчеркнул, что «геополитические критерии должны особо учитывать функциональную ориентацию населения и государства, а не только чисто географическое отношение территории к Суше и Морю». Мейниг говорил о том, что все пространство евразийского Rimland делится на три типа по своей функционально-культурной предрасположенности:

1. Китай, Монголия, Северный Вьетнам, Бангладеш, Афганистан, Восточная Европа (включая Пруссию), Прибалтика и Карелия – пространства, органически тяготеющие к Heartland.
2. Южная Корея, Бирма, Индия, Ирак, Сирия, Югославия геополитически нейтральны.
3. Западная Европа, Греция, Турция, Иран, Пакистан, Таиланд склонны к талассократическому блоку.

В 1965 г. другой последователь Спикмена У. Кирк выпустил книгу, воспроизводящую название знаменитой статьи Маккиндера «Географическая ось истории». Кирк развил тезис Спикмена относительно центрального значения Rimland для геополитического баланса сил. Опираясь на культурно-функциональный анализ Мейнига и его дифференциацию «береговых зон» относительно теллуократической или талассократической предрасположенности, Кирк выстроил историческую модель, в которой главную роль играют прибрежные цивилизации, от которых культурные импульсы поступают с большей или меньшей степенью интенсивности внутрь континента. При этом «высшие» культурные формы и историческая инициатива признается за теми секторами «внутреннего полумесяца», которые Мейниг определил как «талассократически ориентированные».

Развитие геополитических взглядов применительно к «ядерной эпохе» встречается у другого представителя той же американской школы Колина С. Грэя, посвятившего этой проблеме несколько работ, выдержанных в духе обоснования гегемонистских притязаний США на мировой арене. В своей книге «Геополитика ядерной эры» он дает очерк военной стратегии США и НАТО, в котором ставит планетарное месторасположение ядерных объектов в зависимость от географических и геополитических особенностей регионов.

Распад Варшавского договора и СССР знаменует торжество ориентации атлантистской стратегии, проводившейся в жизнь в течение всего XX в. Запад побеждает в холодной войне с Востоком. Морская Сила празднует победу над Heartland.

СССР как Heartland, как Евразия, воплощал в себе идеократию советского типа. С географической точки зрения это было довольно интегрированное «Большое пространство» с колоссальными природными ресурсами и развитым стратегическим вооружением. Главным преимуществом СССР были «культурно-функциональные» наклонности населения, живущего на его просторах или примыкающего к советской территории, и наличие трудно достигаемых внутриконтинентальных просторов, позволяющих создать надежные оборонные и технологические плацдармы. Кроме того, с двух сторон (с Севера и Востока) СССР имел морские границы, защищать которые намного легче, чем сухопутные.

За счет централизованной экономики СССР добился товарно-продовольственной автаркии и военного статуса сверхдержавы. По мере возможностей он стремился распространить свое влияние и на другие континенты.

Но у Восточного блока было несколько географических недостатков. Самый главный заключался в огромной протяженности сухопутных границ. Если с Юга границы совпадали с азиатскими горами – от Маньчжурии до Тянь-Шаня, Памира и Кавказа, – то на Западе граница проходила посередине равнинной Европы, которая была стратегическим плацдармом атлантизма, в то время как центральная его база находилась на западном берегу «Срединного Океана». Но даже в Южном направлении горы служили не только защитой, но и препятствием, закрывая путь для возможной экспансии и выход к южным морям.

При этом Восточный блок был вынужден сосредоточить в одном и том же геополитическом центре военно-стратегические, экономические, интеллектуальные, производственные силы и природные ресурсы.

С таким положением резко контрастировало геополитическое положение США, которое ассоциировалось с Западом. Географический фактор оказал благоприятное воздействие на становление американского могущества. Изолированность и периферийное положение по отношению к Старому Свету способствовали становлению нации без негативного воздействия извне. И на американском континенте соседние страны не угрожают безопасности и интересам США. Обширная и компактная территория со свободным доступом к двум океанам позволили создать эффективный хозяйственный каркас страны с двумя коммуникационными полюсами экономического и технологического роста на Атлантическом и Тихоокеанском побережьях, открытых к внешнему миру и внутренним районам страны. Более того, стратегически интегрировав свой континент, она получила контроль над огромной частью евразийского побережья. От Западной Европы через Грецию и Турцию контроль атлантистов простирался на Дальний Восток (Таиланд, Южная Корея, Япония), и эта зона плавно переходила в Индийский и Тихий океаны – важнейшие военные базы на острове Сан-Диего, на Филиппинах, и далее, на Гуаме, Карибах и Гаити. Таким образом, все потенциальные конфликты были вынесены за территорию основного стратегического пространства.

При этом атлантисты создали сложную систему геополитического распределения силовых «ядер». Непосредственно США обеспечивали военно-стратегическую мощь. Интеллектуальные, финансовые и производственные структуры, а также центры разработки высоких технологий сосредоточивались в Западной Европе, свободной от тяжести обеспечения собственной военной безопасности.

Природные ресурсы поступали из экономически малоразвитых регионов Третьего мира, откуда в значительной мере приходила и дешевая рабочая сила.

Сохранение равновесия, сложившегося сразу после Второй мировой войны, было наступательной позицией, так как по предсказаниям атлантистских геополитиков, такая ситуация неминуемо должна была привести к истощению континентального блока, обреченного на полную автаркию и вынужденного в одиночку развивать все стратегические направления одновременно.

У континентального блока в такой ситуации было только два выхода. Первый – осуществить военную экспансию на Запад с целью завоевания Европы до Атлантики. Параллельно следовало предпринять аналогичное усилие и в южном направлении, чтобы выйти, наконец, к теплым морям и порвать «кольцо анаконды». Этот путь в случае успеха мог бы привести к стабильному континентальному миру и в перспективе к краху США, лишенной прибрежных зон.

Другой путь заключался, напротив, в уходе СССР и его вооруженных сил из Восточной Европы в обмен на уход из Западной Европы сил НАТО и создание единого строго нейтрального Европейского блока. Этот вариант всерьез обсуждался в эпоху Де Голля.

Это можно было осуществить с Азией: пойти на отказ от прямого политического контроля над некоторыми республиками Средней Азии в обмен на создание с Афганистаном, Ираном, Ираком (возможно Индией) мощного военно-политического блока, который ориентировался бы на внутриконтинентальные проблемы.

Можно было бы, наконец, скомбинировать два варианта и пойти мирным путем на Западе и силовым на Востоке. Но поскольку СССР так и не решился на этот шаг, атлантистам осталось дожидаться своего часа. И этот час пробил. После военного вторжения в Афганистан советская держава не выдержала всестороннего перенапряжения и пала.

Глобальная стратегия, основанная на «геополитике моря», привела Запад к установлению планетарного могущества. Но развитие техники привело к освоению воздушного пространства, что сделало актуальным разработку «геополитики воздуха».

В отличие от «геополитики моря» полноценной «геополитики воздуха» не существует. Фактор воздухоплавания добавляется к общей геополитической картине.

Освоение воздушного пространства в некоторой степени уравнило между собой Сушу и Море, ибо для самолетов и ракет разница между этими пространствами не так значительна. Важным шагом явилось создание авианосцев, что значительно оторвало воздушные базы от Суши.

Перенос вооружений на земную орбиту и стратегическое освоение космического пространства были последним этапом «сжатия» планеты и окончательной релятивизации пространственных различий.

Актуальная геополитика помимо Суши и Моря вынуждена учитывать две стихии – воздух и эфир. Этим стихиям на военном уровне соответствуют ядерное оружие (воздух) и программа «звездных войн» (космос). По аналогии с теллуократией (власть Суши) и талассократией (власть Моря) эти две новейшие модификации геополитических систем могут быть названы аэрократией (власть Воздуха) и эфирократией (власть Эфира).

Иными словами, освоение воздушной и космической сред есть продолжение сугубо талассократических

тенденций, а, следовательно, может рассматриваться как высшая стадия атлантической стратегии.

В данном ракурсе ядерное противостояние блоков в холодной войне представляется как конкуренция в условиях навязанных «Морской силой» Heartland, вынужденному принимать условия стратегической позиционной дуэли, диктуемые противоположной стороной. Такой процесс активного «разжижения стихий», сопряженной с логикой развития западного мира в технологическом и стратегическом смыслах, параллелен наступательной позиции атлантистов в их политике отрыва береговых зон от континентального центра – в обоих случаях налицо наступательная инициатива одного геополитического лагеря и оборонительная реакция другого.

На интеллектуальном уровне это выражается в том, что атлантисты в теоретическом плане разрабатывают «активную геополитику», занимаясь этой наукой планомерно.

Геополитика в случае Запада выступает как дисциплина, диктующая общие контуры международной стратегии. В случае же Восточного блока она, не будучи долгое время официально признанной, существовала и все еще продолжает существовать в качестве «реакции» на шаги потенциального противника.

Если в случае ядерного оружия и авиации (в сфере аэрократии) СССР смог ценой напряжения всех внутренних ресурсов добиться относительного паритета, то на следующем этапе, в области эфирократии произошел структурный надлом, и конкуренция в области технологий, связанных со «звездными войнами», привела к окончательному геополитическому проигрышу и к поражению в холодной войне.

Победа атлантистов над СССР (Heartland) означала вступление в радикально новую эпоху, которая требовала оригинальных геополитических моделей. Геополитический статус всех традиционных территорий, регионов, государств и союзов резко изменился. Осмысление планетарной реальности после окончания холодной войны привело атлантистских геополитиков к определенным схемам.

Одна из схем названа атлантистами *цессимистической*. Она наследует традиционную для атлантизма и линию конфронтации с Heartland, которая считается не законченной и не снятой с повестки дня вместе с падением СССР, и предсказывает образование новых евразийских блоков, основанных на цивилизационных традициях и устойчивых этнических архетипах. Этот вариант можно назвать *неоатлантизмом*, его сущность сводится, в конечном итоге, к продолжению рассмотрения геополитической картины мира в ракурсе основополагающего дуализма, что лишь характеризуется выделением дополнительных геополитических зон (кроме Евразии), которые также могут в дальнейшем стать очагами противостояния с Западом. Наиболее ярким представителем такого неоатлантического подхода является Самуил Хантингтон.

Смысл теории С. П. Хантингтона, сформулированный в статье «Столкновение цивилизаций» (1993 г.), а в 1996 г. в опубликованной объемной книге «Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка», заключается в том, что если XX столетие являлось веком противостояния идеологий, то XXI столетие станет веком столкновения цивилизаций и религий. Он считает, что в мире после «холодной войны» самыми важными различиями между народами являются не идеологические, политические или экономические, а культурные. Цивилизационные различия более фундаментальны, чем различия между политическими рамками. Религия разделяет людей сильнее, чем их этническая принадлежность.

Если во время холодной войны мир был разделен по политэкономическим признакам на капиталистические, социалистические и развивающиеся страны, то в настоящее время все большее значение приобретает группировка стран по этнокультурным особенностям. История человечества возвращается к истории цивилизаций. Облик современного мира определяется цивилизациями: западной, конфуцианской, японской, исламской, индуистской, славяно-православной, латиноамериканской и, возможно, африканской. В наступающем веке столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Наиболее кровопролитные межэтнические конфликты будут происходить вдоль линий цивилизационного разлома. Конфликт на рубежах западной и исламской цивилизации длится уже 1300 лет. И это многовековое противостояние не уменьшается. На северных границах ислама разгорается конфликт между православными и мусульманскими народами. На южной границе усиливается антагонизм между арабами-исламистами и языческими или христианскими народами Черной Африки. В качестве судьбоносных для человечества конфликтов Хантингтон приводит конфликты на Балканах и Кавказе.

Тенденции этнокультурного регионализма и межэтнических маргинальных конфликтов обусловлены глубокими различиями в традиционной морали, истории и культуре, углублением взаимодействия между народами и усилением осознания собственной цивилизации, отдалением людей в результате социально-экономических изменений от традиционной морали, трудностями устранения и разрешения этнокультурных различий (в отличие от политических и экономических), усилением экономического регионализма с учетом общности культуры и религии.

Экономический регионализм может увенчаться успехом только в границах общей цивилизации. Европейское сообщество покоится на едином фундаменте западного христианства и культуры. Япония, наоборот, испытывает трудности в создании единого экономического пространства в Восточной Азии из-за своих социокультурных особенностей.

Согласно Хантингтону господству Запада приходит конец. В отличие от адептов западной цивилизации, утверждающих, что культура Запада есть и должна быть мировой культурой, Хантингтон придерживается иных взглядов. Он утверждает: «Запад уникален, но не универсален». Запад делает западным классическое наследие, западное христианство, разделение духовной и светской власти, господство закона, социальный плюрализм, гражданское общество, представительную власть, индивидуализм. Время от вре-

мени лидеры незападных обществ для того, чтобы модернизироваться, отказывались от собственных культур и пытались усвоить основные элементы культуры Запада. Полны решимости модернизировать свои страны были Петр Великий и Мустафа Кемаль Ататюрк. В результате они создали «разорванные» страны, неуверенные в культурной идентичности. Гораздо чаще лидеры незападных стран осуществляли модернизацию, отвергая вестернизацию. Япония, Китай и другие восточные страны заимствуют избранные элементы западной культуры и используют их для усиления собственной идентичности. Например, заимствование Китаем буддизма из Индии не повлекло за собой индианизации страны, напротив, произошла китаизация буддизма.

На индивидуальном уровне миграция людей в незнакомые города, столкновение с непривычной социальной средой разрушает их традиционные местные узы, порождает кризис идентичности. Возвращение к корням обуславливается парадоксом демократии: когда незападные страны начинают проводить выборы на западный манер, демократия зачастую приводит к власти политические движения, выступающие за возврат к своей «почве». Демократия делает общество более местническим, чем космополитичным. Вера в западные ценности других народов аморальна по своим последствиям. Хантингтон призывает Запад отказаться от иллюзии относительно своей универсальности. Интересам Запада не служат беспорядочные вмешательства в споры других народов. Главная ответственность за сдерживание и разрешение местных конфликтов должна лежать на лидирующих странах той цивилизации, которая доминирует в данном регионе. В эпоху полицентризма ответственность Запада состоит в сохранении собственных интересов, а не в разрешении конфликтов между другими народами, не имеющими никаких последствий для Запада. Учитывая, что главная опасность для мира исходит со стороны исламской и китайской цивилизации, Западу следует поощрять гегемонию России в славянско-православном мире.

Хантингтон делает прогноз, что следующая мировая война, если таковая произойдет, будет войной между цивилизациями. Чтобы ее предотвратить, необходимо гораздо глубже постигать элементы общности и различий между ними, учиться существовать друг с другом.

3.2. Мондиализм

Становление США сверхдержавой и выход на последний этап, предшествующий окончательной «планетарной гегемонии талассократии» заставил американских геополитиков рассматривать совершенно новую геополитическую модель, в которой участвовало не две основные силы, а только одна. Причем в принципе существовало два варианта событий – либо окончательная победа Запада в геополитической дуэли с Востоком, либо конвергенция двух идеологических лагерей в нечто единое и установление «мирового правительства». Этот проект получил название «мондиализма» (от фр. monde – мир). В обоих случаях требовалось новое геополитическое осмысление этого возможного исхода истории.

Мондиалистские идеи были свойственны умеренным европейским и особенно английским социалистам (некоторые из них были объединены в «Фабианское общество»). О едином Мировом Государстве говорили и коммунисты. Показательно, что в течение XX в. эти мондиалистские организации, избегавшие рекламы, переменяли много названий. Существовало «Универсальное движение за мировую конфедерацию «Гарри Дэвиса», «Федеральный Союз» и даже «Крестовый поход за Мировое Правительство».

По мере сосредоточения всей концептуальной и стратегической власти над Западом в США, именно это государство стало главным штабом мондиализма.

Так сложились три основные мондиалистские организации, о которых общественность Запада узнала недавно. В отличие от официальных структур эти группы пользовались свободой проектирования и исследований, поскольку были освобождены от процедур, регламентирующих деятельность комиссий ООН:

1. «Совет по международным отношениям». Ее создателем был банкир Морган. Эта неофициальная организация была занята выработкой американской стратегии в планетарном масштабе, причем конечной целью считалась полная унификация планеты и создание Мирового Правительства.

2. В 1954 г. была создана вторая мондиалистская структура – Бильдербергский клуб, или Бильдербергская группа. Она объединяла не только американских аналитиков, политиков, финансистов, интеллектуалов, но и их европейских коллег.

3. В 1973 г. активистами Бильдербергской группы была создана третья важнейшая мондиалистская группа – «Трехсторонняя комиссия», или «Трилатераль». Она возглавлялась американцами, входящими в состав Бильдербергской группы.

Трехсторонней комиссия названа по фундаментальным геополитическим основаниям. Она призвана объединять под эгидой атлантизма и США три «Больших пространства», лидирующих в техническом развитии и рыночной экономике:

- Американское пространство, включающее в себя Северную и Южную Америки;
- Европейское пространство;
- Тихоокеанское пространство, контролируемое Японией.

Во главе важнейших мондиалистских групп – Бильдерберга и Трилатерали – стоит крупнейший банкир Дэвид Рокфеллер, владелец «Чейз Манхэттен банк».

Кроме него, в самом центре всех мондиалистских проектов стоят неизменные аналитики, геополитики и стратеги атлантизма – Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер. Туда же входит и знаменитый Джордж

Основная линия всех мондиалистских проектов заключалась в переходе к единой мировой системе под стратегической доминацией Запада и прогрессивных, гуманистических, демократических ценностей. Для этого вырабатывались параллельные структуры, состоящие из политиков, журналистов, интеллектуалов, финансистов, аналитиков, которые должны были подготовить почву перед тем, как этот мондиалистский проект мирового правительства смог бы быть широко обнародован, так как без подготовки он натолкнулся бы на мощное психологическое сопротивление народов и государств, не желающих растворять свою самобытность в планетарном пространстве.

После распада СССР и победы Запада, мондиализм должен был отмереть, либо изменить свою логику. Новой версией мондиализма в постсоветскую эпоху стала доктрина Фрэнсиса Фукуямы, опубликовавшего в начале 90-х гг. программную статью «Конец Истории». Ее можно рассматривать как идейную базу неомондиализма. Фукуяма предлагает следующую версию исторического процесса. Человечество от темной эпохи «закона силы», «мракобесия» и «нерационального менеджирования социальной реальности» двигалось к наиболее разумному строю, воплотившемуся в капитализме, современной западной цивилизации, рыночной экономике и либерально-демократической идеологии. История и ее развитие длилось только за счет нерациональных факторов, которые мало-помалу уступали место законам разума, общего денежного эквивалента всех ценностей и т. д. Падение СССР знаменует собой падение последнего бастиона «иррационализма». С этим связано окончание истории и начало особого планетарного существования, которое будет проходить под знаком рынка и демократии, которые объединят мир в слаженную рационально функционирующую машину. Такой новый порядок, хотя и основанный на универсализации чисто атлантической системы, выходит за рамки атлантизма, и все регионы мира начинают переорганизовываться по новой модели, вокруг его наиболее экономически развитых центров.

Аналог теории Фукуямы есть и среди европейских авторов. Жак Аттали, бывший советник президента Франции Миттерана, разработал сходную теорию в своей книге «Линии Горизонта».

Он считает, что в настоящий момент наступает третья эра – «эра денег», которые являются универсальным эквивалентом ценности, так как, приравнивая все вещи к материальному цифровому выражению, с ними предельно просто управляться наиболее рациональным образом. Такой подход Аттали связывает с наступлением мессианской эры. Мир становится единым и однородным. Он получает новую геополитическую структурализацию, основанную на сей раз на принципах геоэкономики.

Геоэкономика – это особая версия мондиалистской геополитики, которая рассматривает приоритетно не географические, культурные, идеологические, этнические, религиозные и другие факторы, составляющие суть собственно геополитического подхода, но чисто экономическую реальность в ее отношении к пространству. Для геоэкономики совершенно не важно, какой народ проживает там-то и там-то, какова его история, культурные традиции и т. д. Все сводится к тому, где располагаются центры мировых бирж, полезные ископаемые, информационные центры, крупные производства.

Геоэкономический подход Аттали приводит к выделению трех важнейших регионов, которые в Едином Мире станут центрами новых экономических пространств:

1. Американское пространство, объединяющее окончательно обе Америки в единую финансово-промышленную зону.
2. Европейское пространство, возникшее после экономического объединения Европы.
3. Тихоокеанский регион, зона «нового процветания», имеющая несколько конкурирующих центров – Токио, Тайвань, Сингапур и т. д.

Между этими тремя мондиалистскими пространствами, по мнению Аттали, не будет существовать никаких проблем, так как и экономический и идеологический тип будет во всех случаях строго тождественным. Единственной разницей будет чисто географическое расположение наиболее развитых центров, которые будут концентрически структурировать вокруг себя менее развитые регионы, расположенные в пространственной близости. Такая концентрическая переструктуризация сможет осуществляться только в «конце истории» или, в иных терминах, при отмене традиционных реальностей, диктуемых геополитикой.

Цивилизационно-геополитический дуализм отменяется. Отсутствие противоположного атлантизму полюса ведет к кардинальному переосмыслению пространства. Наступает эра геоэкономики.

Таким образом, неомондиализм не является прямым продолжением мондиализма исторического, который изначально предполагал присутствие в конечной модели левых социалистических элементов. Это промежуточный вариант между собственно мондиализмом и атлантизмом.

3.3. «Новые правые» и геополитика

Геополитический ренессанс в Европе связан с деятельностью географа Ива Лакоста, который в 1976 г. основал журнал «Геродот», где впервые в послевоенной Европе стали публиковаться статьи о геополитике.

У Лакоста геополитика становится лишь инструментом анализа конкретной ситуации, а все глобальные теории, лежащие в основе этой дисциплины, низводятся до относительных, исторически обусловленных занятий.

Таким образом, Лакост предлагает совершенно новое определение геополитики, фактически новую дисциплину. Это более не континентальное мышление, основанное на фундаментальном планетарном цивилизационно-географическом дуализме и сопряженное с глобальными идеологическими системами, но использование некоторых методических моделей, существующих у традиционных геополитиков в общем контексте, но взятых в данном случае как нечто самостоятельное.

Такая геополитика получила название «внутренняя геополитика», ибо она сплошь и рядом занимается локальными проблемами. Разновидностью такой геополитики является специальная методика, разработанная для изучения связи политических симпатий населения и территории, на которой данное население проживает. Провозвестником такого подхода был французский политический деятель и географ Андре Зигфрид. Он впервые сделал попытку исследовать внутреннюю геополитику применительно к политическим симпатиям тех или иных регионов. К нему восходят первые формулировки закономерностей, которые легли в основу электоральной геополитики новой школы Ива Лакоста.

Ив Лакоста поставил своей задачей привести в геополитику новейшие критерии, свойственные информационному обществу. Наибольшим значением среди информационных систем, прямо влияющих на геополитические процессы, обладают средства массовой информации, особенно телевидение. В современном обществе доминирует не концептуально-рациональный подход, а яркость «образа» (имиджа). Политические, идеологические и геополитические воззрения формируются у значительной части общества исключительно на основании телекоммуникаций. Медиатический «образ» является атомарным синтезом, в котором сосредоточены сразу несколько подходов – этнический, культурный, идеологический, политический. Синтетическое качество «имиджа» сближает его с категориями, которыми традиционно оперирует геополитика.

Существует еще одно направление в рамках общего процесса «возрождения» европейской геополитики – история геополитики. Оно не является в полном смысле слова геополитическим, так как ставит своей задачей историческую реконструкцию этой дисциплины, работу с источниками, хронологию, систематизацию, библиографические данные и т. д.

Прикладная, или внутренняя геополитика, развиваемая Ивом Лакостом, а также другими специалистами (Коренманом и т. д.) характерна для современной европейской политологии и сознательно избегает концептуальных обобщений и футурологических разработок. В этом принципиальное отличие всего этого направления, особенно развитого во Франции и Италии, от собственного атлантизма и мондиализма, которые разрабатывались в США и Великобритании.

Одной из немногих европейских школ, сохранивших непрерывную связь с идеями довоенных немецких геополитиков-континенталистов, являются «Новые правые». Направление возникло во Франции в конце 60-х гг. XX в. и связано философом и публицистом Аленом де Бенуа.

«Новые правые» – сторонники органической демократии, язычники, они считают, что развитие государства возможно только в том случае, если оно обладает достаточным геополитическим масштабом и большими территориальными возможностями. Еще в начале 60-х гг. XX в. Ален де Бенуа обнародовал проект «юной Европы» – «Европа до Владивостока», где говорилось о том, что необходимо создание Большого экономически автаркического пространства, противопоставленного США, атлантизму и мондиализму. В строительстве «Европейской империи», которая объединяла независимые этнические группы, он видел спасение от мондиализма США. Он объявлял СССР наследником «Третьего рейха», которому ничего не остается, как, двигаясь с востока на запад, выполнить то, что «Третий рейх» не сумел проделать, двигаясь с запада на восток.

Романтическую версию геополитики излагает известный французский писатель и журналист Жан Парвулеско. Он отмечает, что история человечества есть история Могущества, власти. За доступ к центральным позициям в цивилизации, т. е. самому Могуществу, стремятся различные полусекретные организации, циклы существования которых намного превышают длительность обычных политических идеологий, правящих династий, религиозных институтов, государств и народов. Эти организации, выступающие в истории под разными именами, Парвулеско определяет как «орден атлантисстов» и «орден евразийцев». Между ними идет многовековая борьба, в которой участвуют патриархи, короли, дипломаты, крупные финансисты, революционеры, мистики, генералы, ученые, художники и т. д. Это доведенная до логического предела геополитическая линия, предпосылки которой ясно прослеживаются уже вполне рациональных и чуждых «мистицизму» основателей геополитики как таковой.

Основной задачей сторонников этой линии является организация европейского континентального блока «Париж – Берлин – Москва». В этом аспекте теории Парвулеско смыкаются с тезисами «Новых правых» и «национал-большевиков».

3.4. Ноевразийство и русско-националистические геополитические идеи

Первая волна интереса к евразийству, как известно, поднялась в Русском зарубежье в 20–30-е гг. XX в. Тогда в центре внимания данной концепции были не глобальные геополитические проблемы, а судьба России – «русская идея». Повторимся, что евразийцы исходили из того, что Европа и Запад в целом исчерпали свои духовно-исторические потенции. На смену им шла мессианская Россия как самобытная евразийская цивилизация. Основателем геополитической части евразийства был, как известно, Савицкий,

идеи которого оказали огромное влияние на крупнейшего российского географа и историка Л. Н. Гумилева.

Гумилев довел до предела идею старых евразийцев (того же Савицкого) о том, что русские – это не просто ветвь восточных славян, а особый этнос, сложившийся на основе тюрко-славянского слияния. Татаро-монголы в его концепции выступают не в качестве поработителей, а в роли хранителей русского государства от католической агрессии Запада.

Эта идея продолжает оставаться аксиомой для ряда современных географов, опираясь на которую они повторяют многократно опубликованные мысли об азиатском компоненте, придерживаются тюркофилии в своих геополитических построениях, забывая, что Азия – это не только Туран старых евразийцев, но и Китай, который имеет очень серьезные внутривосточные проблемы с «тюркским» компонентом, Япония и т. д.

В качестве причин этногенеза как естественного процесса, т. е. рождение народа или государства, Гумилев выдвинул «пассионарный толчок» как результат извержения «избыточной биохимической энергии биосферы», неподдающийся никакой периодизации. Это необъяснимый синхронный всплеск биологической и духовной энергии. По мере убывания уровня пассионарности этнос деградирует.

Великороссы, по утверждению Гумилева, являются относительно «молодым» этносом, сплотившим вокруг себя суперэтнос евразийской империи. В то же время западная цивилизация находится в последней стадии этногенеза, является конгломератом «химерических» этносов. Центр тяжести неизбежно должен переместиться к более молодым этносам.

В этой «стройной» теории недостает одного и самого важного научного критерия – критерия возраста этноса. Если, например, вести отсчет возникновения этноса, формирующегося на территории США, с момента всплеска его пассионарности, породившей войну за Независимость (1775–1783 гг.), а новый французский этнос с Великой Французской революции, то эти два этноса будут гораздо моложе евразийского.

Таким образом, и неоевразийцы, не входящие непосредственно в геополитику, опираются на географический детерминизм и противопоставление «торгашеской» атлантистской и находящейся по своему возрасту в стадии загнивания (в «зоне обскурации») цивилизации, с одной стороны, и более молодой евразийской цивилизации – с другой. Следовательно, и здесь мы сталкиваемся с возведением в абсолют противоречий России (а в будущем воссозданной евразийской империи) с Западом и ее лидером в лице США. Неоевразийцы тем не менее признают возможность геополитического компромисса с Западной Европой при условии ее переориентации на антиамериканские позиции.

Те из антизападников, которые не примкнули к неоевразийству (публикации в журналах «Третий Рим», «Русский геополитический сборник», «Наш современник»), исходили из того, что союз с тюрками и мусульманами опасен для России хотя бы в связи с различиями демографических тенденций между ними. Из-за резко превышающего естественного прироста тюрков и мусульман в сравнении с Россией, последняя просто растворится в «евразийском котле». Авторы-антизападники, не примкнувшие к неоевразийству, больше всего почитают труды Данилевского, в котором проповедовались глубокие культурные различия между Западной Европой и Россией, «научно» обосновывалось, что Россия – это особый мир, естественными союзниками которого являются все православные народы. Известно, что Данилевский выступал за создание православно-славянского геополитического союза, противостоящего и Западу и Востоку.

И. Кузьменко в статье «Геополитика Святой Руси» сформулировал геополитику русского национализма следующим образом: «Собрать Русь исходя из принципа «максимум русских на максимуме территории», но безоговорочно исключить все пограничные нерусские области, особенно на Северном Кавказе, воссоединить исконно *русские* (украинские и белорусские) и освоенные *русскими* земли. Установить русские границы. К началу следующего века русский народ может закрепиться примерно на такой линии: Пруссия – Белосток – Зеленчукская – река Кубань – Эльбрус – Прохладный – река Терек – Шевченко – остров Арал-Аральск – остров Тенгиз – остров Алаколь – китайская граница. Что касается пожеланий восстановить «империю» в границах 1917 г., то эта фантазия испаряется уже из умов самых твердокаменных «империалистов».

Националистические представления преимущественно эмоционально-публицистического оттенка в российской геополитике формируются в широчайшем диапазоне иногда в очень причудливых мотивациях доводов своей правоты, но практически всегда имеют антизападную направленность, иногда даже истерического характера. Эту их черту и подчеркивание русской исключительности среди народов мира можно (в мягкой форме) объяснить обидой в связи с резким понижением экономического, геополитического и идеологического статуса России в мире. Их проекты нередко оторваны от реальностей: в результате социалистической системы и последующих трансформаций доля валового внутреннего продукта России составляет чуть более 2% от суммарного продукта мира. Только вследствие одного этого большинство геополитических планов объективно замещается геоэкономическими проблемами, в решении которых немислим разрыв России с Западом. Последний существенно трансформировался со времен «анаконды» Мэхэна, Маккинтера, Спикмена и даже вовсе не отражает ретроградские, хотя и очень «научные», взгляды Бжезинского – известного русофоба.

4. ГЕОПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Формирование нового миропорядка носит итеративный характер, включая такие компоненты, как качество населения государства (его культурно-образовательный уровень, физическое состояние), эффективность существующего политического режима, роль религии внутри страны (мобилизующая или, наоборот, раскалывающая).

Вышеназванные факторы в своей совокупности определяют феномен глобализации. Ее суть – в расширении и углублении социальных связей во всемирном масштабе, их распространение на все сферы человеческой деятельности. Она выражается в формировании планетарного информационного пространства, мирового рынка капитала, товаров и рабочей силы, в интернационализации проблем технического воздействия на природную среду, межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

В результате глобализации государственно-территориальные границы становятся все более прозрачными, преодолеваются различия между внутренней и внешней политикой. Международное сообщество постепенно превращается в мировое общество. Такие явления внутренней жизни отдельных государств, как нарушения прав человека и национальных меньшинств, нестабильность или напряженность, влияют на состояние международной среды, прежде всего на ее безопасность. Поэтому мировое сообщество вправе реагировать на нарушения общепризнанных норм поведения государств, закрепленных в соответствующих международных актах.

Коллизии, возникшие между НАТО и Россией из-за Косово, частично вызваны несовершенством существующей нормативной базы миротворчества, не учитывающей новые тенденции в системе международных отношений, – к глобализации, к стиранию граней между внутренними и внешними угрозами. Назрела необходимость реформирования ООН, ее Совета Безопасности, созданных для регулирования международных отношений предшествующего исторического периода и недостаточно эффективных для нейтрализации новых угроз.

В процессе формирования нового типа мирового порядка возрастает роль политических решений, принимаемых на наднациональном уровне. При этом особенно значимы решения не столько старых, универсальных организаций (таких, как ООН, ОБСЕ), которые носят все более декоративный характер, сколько принимаемых на уровне ведущих государств, в том числе «восьмерки», Евросоюза, НАТО, реальных «центров силы». По мнению Госсекретаря США К. Райс, миром будут управлять международные надгосударственные структуры и, прежде всего, небольшой директорат, в который войдут страны «восьмерки».

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что в начале XXI столетия сложилась новая конфигурация геополитических сил. Безусловно, США остались единственной страной, которая способна претендовать на мировое доминирование, но их возможности влиять на положение дел их в мире не абсолютны. Существуют и другие «центры силы», конкурирующие с Соединенными Штатами и между собой (Китай, Япония, Западная Европа).

После исчезновения спланивавшего Запад фактора коммунистической угрозы нарастает многополярность. Между различными «центрами силы» растут различия в оценке возможного спектра вызовов и угроз. На этом основании некоторые ученые считают более справедливым мнение о многополярности как уже существующей реальности, чем мнение об однополярности мира во главе с Соединенными Штатами Америки.

4.1. От биполярного к многополярному миропорядку

С окончанием евроцентристского мира Средиземное море и Атлантический океан, равно как европейский и североамериканский экономико-политические центры, отнюдь не канули в историю, не отеснены в прошлое. Просто рядом с ними появились новые центры, с которыми они призваны разделить власть и влияние, нести бремя совместного сосуществования со всеми вытекающими отсюда последствиями для всех членов мирового сообщества. В первую очередь следует отметить Японию и новые индустриальные страны, а также Китай и Индию, сохраняющих за собой статус демографических гигантов, что не может не повысить их роль в решении мировых проблем. В области стратегических ресурсов сохраняют свои позиции Ближний Восток и Южная Африка.

Как уже отмечалось, нельзя сбрасывать со счетов Россию и страны СНГ, которые составляют самостоятельный центр силы, способный на равных конкурировать и сотрудничать с остальными центрами. Наличие значительных запасов энергетических ресурсов и амбициозные планы их освоения создают предпосылки для превращения Центральной Азии в один из важнейших с геополитической точки зрения регионов. Поэтому очевидным представляется возрастание интереса к этому региону со стороны различных стран мирового сообщества. Усиливающееся в постсоветский период внимание мусульманских стран к Центральной Азии связано не столько с исламским фактором, сколько с конкретными прозаическими экономическими интересами.

Стабильность и процветание Восточной Азии и Европы, имеющие ключевое значение для междуна-

родной безопасности, во многом зависят от доступа к ближневосточной нефти. Такие нефтедобывающие страны исламского мира, как Иран, Саудовская Аравия озабочены, прежде всего, появлением новых потенциальных конкурентов на нефтегазовом рынке в лице центрально-азиатских производителей этого сырья. Пакистан и Турцию, по-видимому, привлекает географическая близость потенциальных источников импортных энергоносителей. Для Ирана и Турции немаловажное значение имеют перспективы использования их территорий для транспортировки центрально-азиатских нефти и газа на мировые рынки, что сопряжено с немалыми экономическими выгодами.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что восхождение многополярного порядка с его государственными и негосударственными факторами значительно сузило, если не исключило, возможности сохранения или выдвижения какого-либо одного государства в качестве супердержавы, способной единолично контролировать положение в мире.

Мир становится одновременно более единообразным и разнообразным, одни возможности умножаются, другие сокращаются. Информационная и телекоммуникационная революции, раздвигающие рамки взаимодействия людей, стран, народов и культур, как во времени, так и в пространстве, способствуют формированию планетарного сознания, расширяя в то же время возможности индивидуального, группового и национального выбора.

Биполярный мир окончательно распался, а новый многополярный мир находится в процессе формирования. В нем может выбрать собственный путь развития каждый народ, каждая страна, каждый отдельно взятый человек. Этот мир предполагает национально-государственный, расово-этнический, социально-экономический, социокультурный, религиозный, политический и иные формы плюрализма.

Все большее число стран и регионов перестают быть простыми статистами в грандиозной геополитической игре традиционного «концерта» великих держав или служить пассивной ареной их соперничества за сферы влияния. Они способны самостоятельно маневрировать и проводить собственную политику, нередко противоречащую стратегии своих бывших патронов.

В современных условиях многополярность охватывает все многообразие глобальных изменений. В ее рамках важнейшие, если не все составляющие мирового сообщества взаимодействуют и конфликтуют друг с другом, стремясь к реализации своих интересов. Глубинные процессы трансформации, подавляющие общепринятые структуры, отношения, правила игры, усиливающаяся взаимосвязь между странами и народами, государствами и негосударственными факторами ведут к такой степени децентрализации, что практически сводится к нулю способность какого-либо одного фактора в отдельности контролировать происходящие в мире события.

Как отмечал Дж. Розенау, японские фирмы могут главенствовать в электронных отраслях промышленности, исламские фундаменталисты контролировать политику тех или иных регионов, Нью-Йорк – финансовый мир, сверхдержавы могут пользоваться непропорционально большим, чем другие страны, влиянием в силу обладания арсеналами ядерного оружия, англоязычные страны – в силу распространения английского языка во всем мире. Однако влияние каждого из них ограничено определенной сферой, и поэтому его невозможно конвертировать в гегемонию в мировом масштабе. К лучшему или худшему, но, похоже, что гегемонистские державы и навязываемая ими стабильность становятся реликтами прошлого, артефактами истории международных отношений, которым пришел конец с началом глобальной неопределенности и неустойчивости на исходе XX в.

В полицентрическом миропорядке отношения между многочисленными субъектами мирового пространства в большей степени, чем раньше, устанавливаются по конкретным случаям, и поэтому в большей мере подвержены определенным изменениям. Они менее симметричны и слабее сдерживаются властными прерогативами, официальными инстанциями и институтами. Часть факторов при определенных условиях даже могут обойти требования национальных государств.

В целом сложилась ситуация, характеризующая неустойчивостью и неравновесностью. Такую ситуацию Дж. Розенау назвал *турбуленцией*, или *турбулентным состоянием*. При этом сами понятия неустойчивости и неравновесности необходимо освободить от негативного оттенка, поскольку они такие же составляющие мира, как стабильность, устойчивость и равновесие. Они обеспечивают высокий динамизм мировых процессов, который стимулирует динамизм самих субъектов этих процессов.

Иначе говоря, отражая происходящее в мире изменения, турбуленция и сама способствует изменениям. Например, введение новых знаний и технологий в постиндустриальную эпоху предполагает большую специализацию, что требует от действующих в той или иной сфере лиц использования экспертизы специалистов, работающих в других сферах. Тем самым увеличивается взаимозависимость различных сфер общества. Более высокие уровни специализации способствуют повышению эффективности новых технологий. А это в свою очередь ставит вопрос о дальнейшей специализации и экспертизе, что порождает потребность в новых службах и агентствах, призванных решать проблемы неуклонно растущих потребностей людей в информации. Фирмы, специализирующиеся в области «паблик-релейшнз», исследовательские институты, мелкие профессиональные фирмы и другие – это новые типы организаций, которые порождены взрывом новых технологий, не ограничивающихся национальными границами.

В процессе дальнейшего совершенствования коммуникационных и транспортных технологий географические и социальные расстояния сокращаются, а временные параметры не укорачиваются. По мере

укорочения событий число событий, происходящих в единицу времени, увеличивается, тем самым еще более усиливается сложность, взаимозависимость и динамизм господствующих обстоятельств. В результате получается так, что турбулентия постоянно сама себя воспроизводит. Можно сказать, что турбулентия в мировой политике – это большая сложность и высокий динамизм.

Происходит размывание единой оси мирового сообщества, равновеликое значение для мировых процессов приобретают разные центры силы, в чем-то самостоятельные и взаимно соперничающие, а в чем-то взаимозависимые. Появление наднациональных субъектов в лице влиятельных международных объединений и организаций, например, транснациональных корпораций, как бы разъединяет социально-политические и экономические процессы по сугубо географическим или территориально-пространственным параметрам, переводя их в некое «внегеографическое» измерение.

Особенность ситуации состоит в том, что субъекты международных отношений (скажем, участники переговоров) должны играть одновременно в несколько игр, в которые вовлечены различные факторы. В многополярном миропорядке, разумеется, сохраняются отдельные «центры притяжения» в лице, например, США, Японии, Китая, Европейского Союза, России, но внутри самих полюсов нет каких-нибудь четких разграничительных полос.

При такой ситуации весьма проблематично говорить о возможности какой-либо долговременной конфигурации геополитических сил, которая бы подобно привычной нам биполярной структуре определяла политическую ситуацию на международной арене. Можно ожидать, что взаимоотношения между странами, регионами, политико-экономическими блоками стран будут подвержены постоянным изменениям. Другими словами, если при биполярной международной системе блоки, объединенные группировки факторов, были как бы заданы раз и навсегда, то при новой многополюсной конфигурации их формирование будет продолжаться без конца.

Результатом этого может стать перерождение двухполюсного сдерживания в неупорядоченное и не поддающееся контролю взаимное сдерживание, где угроза применения силы будет хроническим элементом в системе взаимных отношений стран и народов, и, на самом деле, Иракско-кувейтская война и вызванная ею «Буря в пустыне», конвульсии распада советской империи, кровавые межнациональные конфликты на южной периферии бывшего СССР, крах Югославии с трагическими последствиями, вторжение США и союзников в Ирак и множество других событий, за последние годы взбудоражившие мировое сообщество, убедительно свидетельствуют о том, что современный взаимозависимый, но противоречивый мир весьма далек от того, чтобы сделать своим основополагающим нравственным императивом принципы «не убий», «возлюби Ближнего своего».

4.2. Геополитическое положение современной России

Характерной чертой современной России стало ее резкое ослабление практически во всех областях политики, экономики, социальной сферы и культуры, но одновременно Россия остается второй в мире (после США) ядерной державой, переживая труднейший период реформ в направлении к демократии, рыночной экономике, открытому обществу с его приоритетом прав человека над правами государственной бюрократии и над геополитическими кодами поведения государств, по крайней мере, в мирное время.

После окончания «холодной войны» и распада СССР геополитическое положение России существенно изменилось. Российский географ А. И. Трейвиш видит в произошедших сдвигах не только отрицательные, но и положительные моменты. Отрицательным является следующее:

- Россия вернулась к границам примерно XVII–XVIII вв. От России откололась четвертая часть территории бывшего СССР с почти половиной населения.
- Россия лишилась значительной части портов. Она имеет теперь ограниченный выход в Черное и Балтийское моря, хотя на Севере и Дальнем Востоке сохранила широкий выход к морям открытого океана.
- Россия лишилась ряда житниц и курортных районов.
- Россия стала более северной страной и удалась от ряда мировых транспортных путей.
- Она потеряла практически все свои геополитические зоны влияния, так называемые «защитные оболочки», в которых происходит геополитическая переориентация, большими темпами идет процесс дезинтеграции в СНГ.
- Ее границы не обустроены, к тому же появился эксклав – Калининградская область.
- За пределами России остались этнические русские меньшинства; не решены проблемы беженцев и выведенных из-за рубежа войск.
- На границах и на периферии России появились «горячие точки».
- Россия слаба экономически, ее армия не отвечает современным требованиям. А как перед обладателем мощных стратегических ядерных систем, при недостатке средств перед Россией стоит вопрос полноценности контроля над ними. Проблема усугубляется надежностью хранения ядерных материалов из-за деятельности в местах сосредоточения ядерных арсеналов криминальных групп.
- Как полноправный наследник бывшего СССР Россия, взяв на себя его внешние требования и обязательства, не может избавиться от старых геополитических проблем. Подписанный Россией 15 мая 1992 г. Договор о коллективной безопасности СНГ привел, например, к погружению России в этнические, рели-

гиозные и политические проблемы Центральной Азии. Дело не только в обязательствах по указанному Договору, проблема сложнее. Россия стала страной без настоящих государственных границ на большом протяжении. Она вынуждена соблюдать свои территориальные интересы, оставаясь на так называемых «имперских» границах и попадая в «ловушки» в Таджикистане, на Кавказе, в Крыму и Приднестровье.

Кроме того, Россия расплачивается за волюнтаризм в международных делах, в размещении производственных сил и т. п. Что касается размещения производства, то, вопреки утверждениям о том, что, будучи «центром», Россия деэксплуатировала периферийные республики, это неверно. Характерной чертой прежней роли России как «центра», наоборот, был ее огромный безвозмездный вклад в развитие «окраин», причем зачастую в ущерб себе (достаточно сопоставить депопулирующую деревню Нечерноземной России и относительно процветающую сельскую местность периферийных республик). Россия прилагала огромные усилия, чтобы вывести на столбовую дорогу европейской цивилизации все среднеазиатские республики. В противном случае они остались бы, возможно, на уровне Афганистана.

К положительным моментам можно отнести следующие:

- В пределах России остались лучшие по качеству, составу и конкурентоспособности на мировом рынке естественные ресурсы.

- Здесь сконцентрированы самые мощные научные силы бывшего СССР.

- Хотя континентальность территории России увеличилась, все же сохранились выходы в Черное и Балтийское моря (хотя бы по одному современному порту, причем в пределах областей, а не автономий Российской Федерации). На 20,3 тыс. км сухопутных границ России приходится 38,8 тыс. км морских границ. В то же время, располагая значительным ледокольным флотом, Россия до сих пор не использует в интересах международной торговли Северный морской путь – кратчайшую водную трассу между Европой и Японией.

- Россия сохранила контакты со всеми соседями из числа развитых стран.

- Страна остается уникальным транзитным коридором через Евразию.

Итак, Россия остается обширнейшей трансконтинентальной державой с мощным «поясом» стран-соседей и с переходным, контактным положением между Европой и Азией.

Мировую геополитическую ситуацию относительно России достаточно обобщенно можно представить в системе Больших пространств (сфер), геополитических районов и великих держав, для чего можно использовать схему районирования мира Козна и представления о внешних оболочках страны.

При этом необходимо разделять два аспекта: военный (военно-стратегический) и геоэкономический (мирохозяйственный).

В военном аспекте геополитическое окружение России следующее:

1. На западе – НАТО, находящееся у границ России, практически контролирующее Балканы и Центрально-Восточную Европу, т. е. над бывшими сферами влияния СССР.

2. На востоке – пограничный Китай, располагающий значительным военно-техническим потенциалом, а также Япония, которая хотя и не является военной державой, но опирается на военный Американско-Японский союз.

Геоэкономическое давление на Россию заключается в следующем:

1. Россия находится в окружении экономической Триады мира: на западе – Европейский Союз (более 20% от суммарного ВВП мира); на востоке – Япония (около 9% ВВП мира) и тесно связанные с ней Новые индустриальные страны Азиатско-Тихоокеанского региона; на крайнем северо-востоке к малообжитой части страны примыкает НАФТА.

2. К юго-восточной границе примыкает Китай с динамично развивающейся экономикой (доля его экономики в суммарном ВВП мира составит в 2015 г. около 18%, в США – 16,5, России – более 3%).

Суммируя два вида потенциалов, получаем следующую панорамную картину Больших пространств. Ведущим по военной и геоэкономической мощи выступает Северо-Атлантический сектор. Второе Большое пространство представляет Китай со значительным военно-стратегическим комплексом, динамично развивающейся экономикой, самым значительным в мире потенциалом (около 1,3 млрд человек, или более $\frac{1}{5}$ человечества), со стремлением доминирования в Азиатско-тихоокеанский регион (АТР) или хотя бы в пределах так называемой Большой Китайской экономики, включающей, помимо Китая, все страны с большими китайскими диаспорами.

Третье Большое пространство представляет АТР, рассматриваемый как огромное тихоокеанское кольцо, в которое входят и Соединенные Штаты Америки. Россия также принята в организацию Азиатско-тихоокеанское экономическое сообщество (АТЭС), которая стремится превратить АТР в свободную торговую зону.

В связи с этим для России актуальна не только реформа армии для повышения ее дееспособности, но, прежде всего, принятие серьезных решений в области геоэкономики. Нельзя согласиться с концепцией автаркического развития, как это предлагают, например, геополитики неоевразийцы, ссылаясь на устаревшие представления Р. Челлена о «народном доме». Это означает обресть Россию на вечное «догоняющее развитие». Геоэкономика означает, в первую очередь, переход на обдуманную преимущественно экспортно ориентированную модель развития внешнеэкономических связей, которая со временем даст России рычаги влияния на мировые тенденции и процессы.

Более детальная, но все же крайне обобщенная картина геополитического положения России может

быть рассмотрена на основе ее геополитических интересов, и ее проблемы могут быть распределены по оболочкам и секторам.

Первый пояс – новое зарубежье, в котором условно выделены сектора.

Государства Балтии. Основные противоречия России с ними касаются дискриминации живущих в них этнических русских, особенно в Латвии и Эстонии. Эти государства опасаются, что их русское население может сыграть на каком-то этапе роль «пятой колонны», а также возможной ассимиляции национального населения русскими. Все три страны в настоящее время вступили в НАТО и Евросоюз.

Белоруссия. С ней идет процесс образования Союзного государства, которое на практике не совсем оправдывает надежды дружественных народов.

В западном Черноморском секторе главными спорными вопросами являются следующие:

1. Кому все же должен принадлежать Крымский полуостров?
2. Кто будет доминировать на Черном море (это также касается и других черноморских стран)?
3. Каков будет статус Приднестровья?
4. Каков будет статус Севастополя и какова участь российского Черноморского флота?
5. Как изменятся отношения России с Украиной при условии сближения последней с НАТО?

Вновь для России возникла проблема пользования проливами между Черным и Средиземным морями. Определенные политические круги Турции вновь возвратились к доктрине «Черное море – турецкое море», используя экологический фактор риска прохода российских танкеров. Запреты для России пользоваться проливами – это нарушение международной конвенции, принятой в Монтре (Швейцария), согласно которой черноморские страны проводят через проливы корабли без ограничений при соблюдении установленных условий; проход военных кораблей нечерноморских стран ограничен по классу, тоннажу и сроку пребывания в Черном море.

В Кавказском секторе можно выделить две главные и взаимосвязанные проблемы:

- Останутся ли северокавказские автономии, особенно из-за войны в Чечне, в составе России?
- Какую роль играют новые кавказские государства, вместе взятые и порознь (православная Грузия, шиитский Азербайджан, монофизитская Армения) в геополитической стратегии России?

Руководство НАТО объявило Закавказье и Среднюю Азию сферой ее интересов. Нынешнее руководство Грузии заявило о желании вступить в НАТО. США провозгласили Каспийский регион зоной своих национальных интересов. Азербайджан заявил о возможности создания на его территории американских и турецких военных баз.

В Средней Азии и Казахстане (с 1993 г. здесь существует сообщество республик Центральной Азии), как и на Кавказе, растет национальное самосознание в самых разных формах. Регион после перестройки был охвачен острыми этническими конфликтами. Затем возникли проблемы внутривнутриполитического и межгосударственного характера, проявляемые часто как приграничные столкновения, потому что оппозиция, а также террористы и наркодельцы «квартируют» в Афганистане – стране, где два десятилетия идет гражданская война, начавшаяся с экспансии СССР в 1989 г.

Второй, третий и четвертый пояса – концентраты (оболочки) включают государства дальнего зарубежья, где Россия просто не в состоянии вернуться к осуществлению глобальной политики. Для дальнего зарубежья предлагались различные концепции, одна из которых названа стратегией сбалансированной равноудаленности-равноприближенности, что означало, очевидно, поскольку концепция не разъяснялась, некоторую аморфную политику, следующую за событиями.

Рассмотрим некоторые проблемы общего и частного характера геополитического положения России во внешних оболочках.

Арктический сектор. К Арктике прилегают территории пяти государств: России, США, Канады, Дании (Гренландии) и Норвегии. Здесь имеются неразрешенные проблемы. Россия и Норвегия оспаривают несколько десятков тысяч квадратных километров в Баренцевом море, потенциально богатых залежами газа и нефти. На участке шельфа, именуемого российскими геологами «поднятием Федынского», по прогнозам, имеются запасы природного газа, равные крупнейшему Штокмановскому месторождению, а нефти – равные запасам Тимано-Печорского месторождения.

В Центрально-Восточной Европе Россия потерпела наибольший геополитический и геоэкономический урон. На всем протяжении истории государства Центрально-Восточной Европы, имея промежуточное положение, сильно зависели от изменчивого баланса европейских сил (теоретически, если бы вопрос о «восточных землях» начал бы серьезно обсуждаться в Германии, то Польша и Чехия неизбежно вновь бы потянулись к России). Сейчас же за счет стран Центрально-Восточной Европы происходит расширение НАТО и Евросоюза.

Китай. С этой страной Россия имеет одну из наиболее протяженных границ – около 4200 км. Некоторые эксперты полагают, что прогресс Китая в экономике может представлять угрозу для России в форме постепенной китаизации редко заселенных территорий Сибири и Дальнего Востока. Разрыв демографического потенциала между двумя государствами – в 2003 г. в России насчитывалось 145 млн человек, а в Китае около 1,3 млрд.

Отношения России с Японией упираются в проблему Курильских островов (конкретно – Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хибоман), на присоединение которых к своей территории претендует Япония. Россия в процессе сложных переговоров уступила Японии группу островов на юге Курильской гряды в 1875 г. –

остальные Курильские острова в обмен на право полностью владеть островом Сахалин, который до того был под совместной юрисдикцией.

Российско-американские отношения – это обширнейшая тема с множеством неисследованных аспектов. После распада СССР они характеризовались прежде всего неустойчивостью, хотя произошел основной структурный сдвиг, о котором в свое время писал А. Д. Сахаров: «Я убежден, что единственным путем кардинального и окончательного устранения термоядерной и экологической гибели человечества, решения других глобальных проблем является глубокое встречное сближение мировых систем капитализма и социализма, охватывающее экономические, политические и идеологические отношения, т. е., в моем понимании, конвергенция. Именно разделение мира придало глобальным проблемам такую трагическую остроту. Поэтому только устранение этого разделения может их разрешить».

Оказались неоправданными ожидания с российской стороны американской помощи для укрепления рыночной системы и демократии в России, что сейчас некоторые американские политики расценивают как невосполнимую ошибку США. В геополитическом плане всеми своими действиями США последовательно действуют в русле разрушения геополитических основ положения России как великой державы. При этом нельзя забывать, что политика перестройки М. С. Горбачева и далее политика Б. Н. Ельцина привела к значительной асимметрии в потерях США и России. США и Запад в целом практически ничего не потеряли, а в России и бывших союзных республиках разразился экономический кризис, распад системы союзнических связей и вывод больших контингентов войск из Европы и Афганистана, потребовавший огромных средств. Все это не коснулось США.

Теперь же Евразия становится (да и раньше была) центром геополитических и геоэкономических интересов США. Россия в этих планах теперь не выступает как равноправная держава, как это было во времена сотрудничества Рейгана, Буша-старшего с Горбачевым, а как «нормальная» страна, какими для США являются Великобритания, Германия, Япония, не помышляющие об отходе от американского геополитического кода.

Европейский Союз. В этом случае речь идет преимущественно об экономическом сотрудничестве. С 1994 г. Россия осуществляет связи с Европейским Союзом в рамках «Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Россией».

На первый взгляд Европейский Союз установил для России значительные торговые льготы: около 80% российского экспорта (главным образом энергоносители) ввозятся беспошлинно, еще 10% попадает под общую систему преференций. При этом, России предоставлено право защищать свой рынок от импорта некоторых товаров до момента вступления в Всемирную торговую организацию (ВТО). Как следствие, средневзвешенный тариф Европейского Союза в отношении России не превышает 1%, тогда как в России этот показатель остается на уровне 16–18%. В действительности же, рынок Европейского Союза широко открыт для экспорта топливно-сырьевых товаров из России, а меры по «индустриализации» российского экспорта продолжают наталкиваться на дискриминационные ограничения.

Геополитическое влияние России в мире в значительной мере определяется ходом ее экономического развития, стратегией в выборе геоэкономических сфер и четко сформулированным геополитическим кодом, соответствующим реальному экономическому, социальному, политическому и культурному потенциалу страны.

4.3. Республика Беларусь в мировом геополитическом пространстве

Окончание «холодной войны» и распад СССР радикально изменили геополитическую обстановку вокруг Беларуси. Прежде всего, необходимо отметить, что, получив политическую самостоятельность, руководство республики унаследовало весьма удобный геополитический регион. Регион в центре Европы на пересечении всех коммуникаций Запада и Востока. Он характерен умеренными темпами перемен, отсутствием резких социальных потрясений. По мере дальнейшей суверенизации, возведения таможенных барьеров и государственных границ он стал превращаться в небольшой, но кажущийся монолитным геополитический континент.

Схематически геополитическое положение Беларуси в Европе можно представить, изобразив контурно Европу в виде эллипса, обрамляющего продольную силовую ось взаимодействия Западная Европа – Евразийское содружество (от Парижа до Екатеринбурга) и вертикальную силовую ось взаимодействия от Нордкапа до Стамбула. На пересечении этих осей и находится Минск. Это как бы напоминает, что он не случайно и в далеком прошлом был в Европе местом обмена товарами на пересечении торгового пути с Запада на Восток и с Севера на Юг.

Соседями Республики Беларусь являются Российская Федерация – ядерное государство мирового уровня; Украина – крупное европейское государство с мощным промышленным потенциалом; Литва и Латвия – небольшие балтийские страны; а также Польша – крупная по европейским меркам страна. По своему экономическому потенциалу, размерам территории, численности населения и количеству вооруженных сил Республика Беларусь является величиной, не сравнимой с Россией. По европейским меркам Беларусь можно рассматривать как среднюю по размерам территории и численности населения страну,

похожую по этим показателям на Австрию, Болгарию, Грецию, Венгрию, Румынию, Португалию и Хорватию.

Республика Беларусь как государство должна опираться не только на реалии сегодняшнего дня, но и на весь свой исторический опыт, поскольку геополитика – это долговременный, стратегический курс, рассчитанный на образование максимально благоприятных условий развития для своего народа. Это – формирование принципов и средств международной политики, согласно которым должно существовать согласие между всеми политическими силами, потому что нет таких государств, чья геополитическая линия менялась бы в случае перехода власти из рук одной партии в другие руки. В принципе, формируя свой геополитический курс, государство должно учитывать весь комплекс национальных интересов: внутреннюю и внешнюю безопасность, экономические и культурные связи, международную ситуацию и духовные традиции. При этом, однако, нельзя забывать и про сильное влияние международной политики на все стороны общественной жизни.

Геополитическое положение белорусских земель, которые всегда находились на пересечении торговых путей, на водоразделе Черного и Балтийского морей, обуславливало почти непрекращающуюся со средневековых времен острую политическую и военную борьбу вокруг них. Местонахождение Беларуси в центре Европы, существование сильных в военном отношении государств, которые располагались практически по всему периметру белорусских границ, отсутствие природных оборонительных рубежей – все эти географические и политические факторы инициировали военно-политические конфликты на белорусской территории.

Ныне военно-политическая ситуация вокруг страны характеризуется высоким динамизмом и интенсивностью процессов. Эти процессы имеют как позитивную, так и негативную направленность. В рамках СНГ этот динамизм трансформируется в нестабильность угрожающих масштабов. Зоной социально-политической нестабильности остается Восточная Европа. С другой стороны, формируется западноевропейский регион как один из мощных мировых центров силы. После прекращения существования Организации Варшавского Договора и СССР Беларусь, которая объявила свое стремление к нейтралитету, оказалась в довольно неопределенном положении с точки зрения военной стратегии. Страны Балтии являются членами НАТО. Украина заявляет о своем стремлении войти в Североатлантический альянс. Россия имеет свои интересы.

Исходя из такой ситуации вырисовываются наиболее целесообразные некоторые основные направления ее внешнеполитической деятельности. Представляется, что наиболее рациональной концепцией внешней политики Республики Беларусь была бы концепция действия, «многовекторность». Причем в ближайшем круге внешнеполитической деятельности должны находиться ее пограничные соседи – Россия, Украина, Польша и страны Балтии. Второй круг должны составить государства Европы, Казахстан, страны Закавказья и бывшие среднеазиатские республики СССР. Третий круг – государства других частей света.

Если говорить о геостратегических факторах первого круга, то здесь предметом особого внимания должна быть Россия. Беларуси это выгодно, отсюда и наша ориентация на Россию, на союз с ней. Тем более, что этому способствуют и исторические традиции, и менталитет, и столь тесные контакты в недалеком прошлом. Экономика Республики Беларусь, ее сырьевые и энергетические ресурсы были почти все полностью «завязаны» на России. Это объективные реалии, и с этим надо считаться.

Учитывая сегодняшние сложные отношения России со странами Балтии и Украины, Беларусь в настоящее время остается единственным стратегическим союзником на западном направлении российской внешней политики. Ведь после распада СССР и его ухода из стран Восточной Европы Россия, по существу, оказалась отрезанной от Европы: Прибалтика отсекла ее от Скандинавии и Польши, Украина – от Юго-Восточной Европы; в свою очередь страны Восточной Европы превратились в экономический кордон, фильтрующий потенциальные западные капиталовложения. Они также стали политическим кордоном для интеграции России в европейские структуры. Единственным относительно надежным геополитическим проводником от России осталась Беларусь.

Определенные политические силы стран Запада заинтересованы в отрыве Беларуси от России с целью дальнейшего ослабления последней и создания «санитарного кордона», предохраняющего Центральную и Западную Европу от «геополитических рецидивов российской экспансии».

Таким образом, Беларусь снова, как и в прежние времена, становится потенциальным объектом геополитического и геостратегического соперничества соседних держав. Поэтому объективное осевое геополитическое положение Беларуси должно быть дополнено адекватной внешней политикой.

Важным для Беларуси является нахождение верных ориентиров в отношениях со странами СНГ. Основная функция СНГ – согласование политики государств-участников в областях, представляющих взаимный интерес. Насколько это будет успешно проходить, возобладает ли интеграционная тенденция над дезинтеграционной, зависит от общего процесса политической и экономической стабилизации в независимых государствах, в первую очередь в России.

Особо следует выделить экономический фактор. При всей деформированности связей между республиками бывшего СССР, обусловленных издержками командно-административной системы, в ближайшем будущем заменить их пока нечем, что отмечают и западные эксперты, в том числе представители Евро-

пейского банка реконструкции и развития.

К существующему до последнего времени общему экономическому пространству нельзя не добавить единую систему железных дорог, связи, воздушного транспорта, нефтепроводов, единую энергетическую систему, другие народнохозяйственные комплексы, степень интегрированности которых оказалась выше, чем в Западной Европе.

Главная транспортная ось Европы образует инфраструктурную полосу, состоящую из дорожной сети, которую составляют отрезки автострад, автомобильных дорог, телекоммуникационной магистрали, линии электропередач, а также сети газопроводов и нефтепроводов. Все перечисленное требует модернизирующих инвестиций в значительных объемах. Эксперты Европейского Союза согласны в оценках, что главным направлением развития на континенте станет ось Восток – Запад. До 2010 г. предвидится трех-четырехкратное увеличение интенсивности движения из Европейского союза на Восток. Учитывая транзитный характер и «коридорное» положение Беларуси, можно ожидать оживление белорусской экономики, а также и экономики других государств Центрально-Восточной Европы.

Применительно к Беларуси названные потоки должны дать многократный эффект по причине ее геополитического положения и необходимости пополнения ресурсов транспортной инфраструктуры, которые у нее отсутствуют. Затем по мере выравнивания потенциалов развития, все это будет способствовать гармонизации европейских структур, которые во имя общей пользы могут функционировать подобно принципу сообщающихся сосудов.

Весьма актуален сегодня для Беларуси вопрос взаимоотношений с НАТО. Понятно, что при любом развитии событий на континенте Беларусь твердо намерена добиваться учета своих интересов в контексте расширения НАТО на Восток. Из этого вытекает простой и ясный вывод: изоляция нашей страны, как этого кое-кому хотелось бы, станет очень сомнительным способом укрепления безопасности в Европе. Геополитическое положение Беларуси, ее весомый военный потенциал никому не позволяют сбрасывать нашу страну со счетов при формировании на континенте устойчивой системы безопасности. Беларусь, в свою очередь, опираясь на многовекторность своей политики, намерена обеспечить собственные государственные интересы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Геополитика как наука прошла сложный путь развития, ее концепции и теоретические взгляды неотделимы от наиболее значимых событий и трагедий XVII–XX вв. С началом расцвета наук западноевропейцы пытались создать учение о власти и могуществе. Геополитика является одним из результатов этих постоянных усилий. Давая «научный» анализ отношений между человеком и пространством, она призвана выявить объективные законы, указывающие путь к обладанию мощью.

Синтетический характер этой дисциплины предполагает включение в нее многих дополнительных предметов – географии, истории, демографии, стратегии, этнографии, религиоведения, экологии, военного дела, истории идеологии, социологии, политологии и т. д.

Геополитика сегодня является востребованным научным подходом как в политической, так и в экономической сфере, где эта наука взаимосвязана также с геоэкономикой, она позволяет объяснять и прогнозировать происходящие в мировой экономике события. В связи с необходимостью более эффективного вхождения Республики Беларусь в мировое хозяйство эта наука приобретает особую актуальность, так как позволяет объективно оценить геостратегические и геополитические интересы и перспективы страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бжезинский, З.** Великая шахматная доска (Господство Америки и ее геостратегические императивы) / З. Бжезинский ; пер. с англ. О. Ю. Уральской. – М. : Международные отношения, 1998. – 256 с.
2. **Василенко, И. А.** Геополитика в современном мире : учеб. пособие для вузов / И. А. Василенко. – М. : ГАРДАРИКИ, 2006. – 317 с.
3. **Гаджиев, К. С.** Введение в геополитику : учеб. для вузов / К. С. Гаджиев. – М. : Логос. – 2000. – 428 с.
4. **Геополитическое** положение России: представления и реальность / Н. А. Бородулина [и др.] ; под ред. В. А. Колосова. – М. : Арт-курьер, 2000. – 352 с.
5. **Гумилев, Л. Н.** Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. – М. : Экопрос, 1993. – 576 с.
6. **Гумилев, Л. Н.** Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. – СПб. : СЗКЭО : Кристалл, 2003. – 607 с. – (Собр. сочинений Л. Н. Гумилева). – (Вехи истории).
7. **Дергачев, В.** Геополитика / В. Дергачев. – Киев : ВИРА-Р, 2000. – 448 с.
8. **Джонстон, Р.** География и географы / Р. Джонстон. – М. : Прогресс, 1987. – 199 с.
9. **Дугин, А. Г.** Основы геополитики: Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. – 4-е изд. / А. Г. Дугин. – М. : АРКТОГЕЯ-центр, 2000. – 924 с.
10. **Загладин, Н. В.** Мировое политическое развитие: век XX / Н. В. Загладин, В. Н. Дахин, Х. Т. Загладина, М. А. Мунтен. – М. : Политиздат, 1995. – 210 с.
11. **Колосов, В. А.** Геополитика и политическая география / В. А. Колосов. – М. : Международные отношения, 2001. – 478 с.
12. **Нартов, Н. А.** Геополитика : учеб. для вузов / Н. А. Нартов ; под ред. В. И. Староверова. – М.: ЮНИТИ, 2004. – 439 с.
13. **Савицкий, П.** Континент Евразия / П. Савицкий. – М. : Аграф, 1997. – 464 с.
14. **Тихонравов, Ю. В.** Геополитика : учеб. пособие / Ю. В. Тихонравов. – М. : ЗАО «Бизнес-школа "Интел-Синтез"», 1998. – 368 с.
15. **Цымбурский, В. Л.** Геополитика для евразийской Атлантиды / В. Л. Цымбурский // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/geopolitics/>.
15. **Цымбурский, В. Л.** Народы между цивилизациями / В. Л. Цымбурский // Pro et Contra. Бизнес и внешняя политика. – 1997. – Т. 2. – № 3. – С. 154–184.
16. **Эволюционное** страноведение в контексте географии мирового развития // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 16 ; под ред. А. П. Горкина, А. И. Трейвиша. – М. : Геогр. ф-т МГУ, 2006. – 292 с.
17. **Яковенко, И. Г.** Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы / И. Г. Яковенко. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1999. – 221 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. Геополитика – мировоззрение власти	4
1.1. География и политика как начало геополитики	4
1.2. Предмет геополитики	6
1.3. Законы геополитики	8
1.4. Методы геополитики	9
2. Основатели геополитики	18
2.1. Школа Фридриха Ратцеля	11
2.2. Геополитика Рудольфа Челлена и Фридриха Науманна	12
2.3. Хэлфорд Дж. Маккиндер и его «Мировой остров»	13
2.4. «Морская сила»	15
2.5. «Поссибилизм» Видаля де ла Блаша	16
2.6. Rimland и Николас Спикмен	16
2.7. «Континентальный блок» Карла Хаусхофера	18
2.8. Консервативный революционер	20
2.9. Евразийство	22
3. Современные геополитические теории и школы	24
3.1. Атлантизм	25
3.2. Мондиализм	28
3.3. «Новые правые» и геополитика	29
3.4. Ноевразийство и русско-националистические геополитические идеи	30
4. Геополитика в современных международных отношениях	32
4.1. От биполярного к многополярному миропорядку	32
4.2. Геополитическое положение современной России	34
4.3. Республика Беларусь в мировом геополитическом пространстве	37
Заключение	39
Список литературы	40

Учебное издание

Кравченко Анатолий Георгиевич

ГЕОПОЛИТИКА

**Курс лекций
для студентов специальности
1-25 01 03 «Мировая экономика»**

Редактор О. М. Пузан
Компьютерная верстка Л. Ф. Кириленкова

Подписано в печать 28.09.07. Бумага типографская № 1.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Ризография.
Усл. печ. л. 4,88. Уч.-изд. л. 4,92. Тираж 60 экз.
Заказ № 92-09-07

Учреждение образования «Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации».
246029, г. Гомель, просп. Октября, 50.
ЛИ № 02330/0056814 от 02.03.2004 г.

Отпечатано в учреждении образования «Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации».
246029, г. Гомель, просп. Октября, 50.